

ВОКРУГ ФИЛОСОФИИ

Р. J.

* * *

Философия — не наука. Это теоретически оформленное и категориально выраженное мировоззрение.

* * *

Моя философия — это не марксизм, не ленинизм, не еще какой-либо «-изм». Это просто философия. Если я последователен — я говорю не от своего лица, не субъективно, — я лишь выражаю нечто всеобщее. Да, из всего философского наследия прошлых эпох философия Маркса выделяется своей стройной последовательностью, могучей логической основой. Однако это не означает, что я могу стать всего лишь «марксистом», не отступая ни на йоту от «классического наследия». Если я мыслю — это уже означает: по-своему. И потому для меня марксизм — лишь один из источников мудрости; основа же ее — в практике. В конце концов, для самого Маркса слова «ортодоксальный марксизм» звучали бы чистейшим противоречием in adjecto...

* * *

Если свобода — осознанная необходимость, то угнетение — осознанная ненужность.

* * *

В философии — и не только в философии — следует стремиться к ясности стиля, избегать сложных языковых конструкций,

иностранных слов. Специальные термины допустимы только в особых условиях, когда определение их постоянно удерживается в памяти — либо потому, что оно дано недавно, — либо когда читатель к термину привык. А если есть выбор между иноязычным термином и словом своего языка — следует предпочесть последнее. Философствование должно опираться на языковое чутье.

* * *

Единство человеческой истории, сходство основных ее этапов у различных народов, обусловлено тем, что история движется не в вакууме, она опирается на материальную основу.

* * *

Общее знание — это, вместе с тем, и знание единичного. Если нет умения увидеть общее в единичном — нет и знания. Общее здесь — способ выражения единичного.

* * *

Класс, являющийся носителем более высокого способа производства, является и носителем передовых представлений о мире.

* * *

Найти диалектику! Саморазвитие формализма, логика — лишь язык. Иерархичность структур, обращение их в приложениях. Но ни в коем случае не делать из диалектики догму.

* * *

От нерасчлененного, аморфного впечатления — через иерархию абстракций — к целостности, конкретности.

* * *

Гегель:

Человек мыслит всегда, даже тогда, когда он только созерцает.

Животное — не умеет созерцать. Созерцание — форма мысли.

* * *

Изначальная нетвердость в мировоззрении — источник ошибок в частных вопросах. Неуверенность в себе заставляет искать поддержки авторитетов... Убежденный идеалист почти всегда — разумнее колеблющегося материалиста.

* * *

По-видимому, никакие социальные институты не могут надолго пережить свою экономическую основу. Семья существует до сих пор.

* * *

Ярлыки «марксизм», «ленинизм» и т. п. — замазывают суть дела, низводя основателей и первооткрывателей до всего лишь учителей и наставников религиозного толка (ср. «буддизм», «христианство»). В этом контексте любая попытка дополнить учение принципиально новыми идеями воспринимается как ересь, вызывая яростный критический огонь безотносительно к сути этого нового. С другой стороны, называя себя марксистом, человек причисляет себя к некоторой общественной группе, духовно сливается с ней — и тем самым теряет часть себя, ограничивает себя как личность. Достоянее мыслить самостоятельно, не привязываясь к авторитетам; если где-то обнаружится сходство — тем приятнее найти друзей.

* * *

Есть «общество» — и есть «общность». Общность синкретична, стихийна. Общество — это целостность, единство, синтез.

* * *

Нет ничего страшного в том, чтобы заимствовать у кого-либо идею, фразу — или даже развернутые тексты. Вовсе не обязательно при этом устрашать читателя количеством ссылок, в страхе не упомянуть кого-нибудь, возможно, имеющего отношение. Если надо поведать, донести, — почему не избрать прямой путь, хотя бы даже кем-то уже пройденный? Выявление взаимозависимостей и взаимовлияний — особая задача, самостоятельное исследование; уделяя ему слишком большое внимание, можно потерять собственный предмет. В конце концов, все мы употребляем слова, миллионы раз повторенные миллионами людей.

* * *

Природа в противопоставлении обществу — и природа вообще. По отношению к последней, человечество — ее необходимая часть, со своими особыми (но вполне природными) закономерностями, по своему развивающаяся, активно воздействующая на природу в целом и на себя как ее часть.

* * *

Никаких связей, никакой абстракции нельзя увидеть эмпирически, чистым созерцанием. Переход к абстракции — это особая деятельность.

* * *

Иерархия философии начинается с законов диалектики. Отрицание, борьба — и единство, целостность. Однако синтез всегда в деятельности. Отрицание материальности — самоотражение, рефлексия. Это не идеальность как бытие в идее — однако рефлексия идеальна как противоположность материи. Когда мир порождает себя через рефлексию, он становится деятельным — субстанцией.

* * *

Полемика — душа философии.

* * *

Вера — первобытная форма убеждения.

* * *

Зарождение языка, как представляется, начиналось с минимальной иерархизации (животная «телепатия»). Появление звуковой речи — начало разделения первоначально синкретичного процесса коммуникации на систему соподчиненных уровней. Когда сложился примитивный синтаксис, «телепатия» окончательно оттеснена в эмоциональную сферу. Возможен ли «обратный» процесс? Из общефилософских соображений — необходим, как очередной уровень отрицания. Однако, скорее всего, он связан с упрочением духовного единства человечества, когда значительная часть коммуникации будет происходить через высшие уровни субъекта, через культуру и общество. А значит, недопустимо форсировать события: только общественное развитие, а не произвол группы ученых.

* * *

Если выяснилось, что некоторый подход не срабатывает в какой-то ситуации, следует выяснить, что помешало, — а не отбрасывать этот подход как «опровергнутый опытом». Может статься, что изучение причин неудачи еще более укрепит исходные позиции, послужит еще одним их подтверждением. Нет ничего полезнее парадоксов.

* * *

Диалектика становится системой только тогда, когда это диалектика системы.

* * *

Общество развивается сразу на всех уровнях: и как неживая материя, и как организм, и как субъект. Постепенно развитие это становится все более осознанным, целенаправленным — однако это ни в коей мере не отменяет закономерностей более низкого уровня: они лишь уходят на второй план, проявляясь только там, где еще нет разумного построения общественной жизни, где человек только складывается как человек.

* * *

Элементы и связи — противоположности в рамках одного уровня. Целостность структуры как синтез, и переход к более высокому уровню.

* * *

Нарский: «...можно показать, что метод Маркса, примененный к изучению капиталистического общества, является всеобщим».

Конечно, «показать» тут ничего нельзя, если не опускаться до пресловутой дюринговской «сосчитанной бесконечности». Дело личного убеждения думать, что любое развитие описывается триадой: тезис — антитезис — синтез. Однако сама возможность думать так имеет вполне объективную основу.

* * *

Общение — естественная потребность здорового организма. Человек не ограничен рамками индивида, сущность его — социальна. Разные уровни разума — разные формы общения. Космическая тоска по своим братьям.

И рядом — самообособление, стремление к уникальности, переходящее в жажду изоляции. Диалектика: противоположность и слияние. — [Молчание доктора Ивенса]

* * *

Как общественное противоречие постепенно становится внутренним противоречием отдельной личности — так и потребность в обществе, в общении, перерастает в потребность в конкретном человеке, потребность любви.

* * *

Организм — жесткость иерархических структур. Субъект — свобода, обращение иерархий.

* * *

Иерархия — порождается рефлексией, и следовательно, определяет время. Например, в музыке: тон, созвучие, мелодия, период, композиция... На высших уровнях иерархии больше характерное время, период рефлексии. Изначальная квантованность времени.

В человеке — иерархичность деятельности. Отсюда уровни восприятия, и фундаментальный характер латентного периода — инертность, связанная с наличием внутренней организации [Пономарев, *Психология творчества*].

Соотношения неопределенности: чем уже временные рамки — тем труднее уложиться в них. Иначе: достижение очень специфического результата требует долгой и кропотливой работы (а следовательно, развертывания иерархии, «сдвига мотива на цель» [А. Н. Леонтьев]). Деятельность будет детерминированной на данном уровне, если ее характерное время (цикл воспроизводства) много больше кванта времени этого уровня.

Однако квантование времени относительно, оно относится к деятельности. На каждом уровне сосуществуют различные кванты, поскольку один человек может участвовать во многих деятельности. Может показаться, что квант высшего уровня меньше, чем на нижних уровнях, — это говорит о нарушении единства, смешении несопоставимого.

* * *

У истории вообще (и в частности, истории человечества) — нет никакой «цели», никакого «предназначения». Это просто один из уровней развития материи. Однако история каждого конкретного общества — имеет вполне определенную направленность, ибо всякое начало предполагает конец.

* * *

Понятие — не высшее достижение человеческой культуры. Речь — вторая, аналитическая ступень. А нужен синтез понятийности и образности, практически. Значит ли это, что требуется и новая система коммуникации, третья сигнальная система? С одной стороны, редукция речи до жеста, мимики, действия, звука, — но взятым не как доречевые формы коммуникации, а в качестве снятия практики превращения действий в слова и наоборот.

* * *

Необходимо ли эксплуататорское общество? В земных условиях — да. Но всегда ли развитие разума проходит одни и те же ступени? Возможно, что когда-нибудь мы столкнемся с принципиально иной последовательностью общественно-экономических формаций.

Однако это не отменяет универсальности самой категории ОЭФ, даже если предположить возможность совершенно иной организации общественно-исторического развития.

Тем не менее, при изучении раннего человеческого общества, становления человека, следует разделять универсальное и локально-историческое (человеческое, земное).

* * *

Семья в самой основе своей нестабильна. Поэтому нельзя делать ее экономической единицей, нельзя доверять семье.

* * *

Избегать лозунгов, абстрактных призывов. Пусть каждый думает за себя — и решает сам.

* * *

Как человеческий организм объединяет в себе все адаптивные признаки живого, ни в одном из них не достигая совершенства, — так и разум будущего неизбежно будет энциклопедичен, что, впрочем, возможно только при опоре на низшие формы.

* * *

По сути дела, вся человеческая деятельность есть навязывание природе ее собственных законов. А значит, голое схематизирование, построение абстрактных объектов и «наложение» их на объективную реальность — это совершенно естественный и единственно возможный путь познания.

* * *

То знание, на которое опирается научная теория, большей частью уже ушло далеко от непосредственного опыта человека. Фундаментальные понятия любой науки — выражение типовых способов выражения типовых способов выражения ... (и еще много-много уровней опосредования) ... типовых способов выражения типовых способов деятельности. Отдельный человек не в состоянии пройти все эти этапы обобщения самостоятельно — будь он тысячу раз гениален. Формирование знания есть дело общества в целом, и любой его член причастен к любой теоретической находке, даже если он никогда в жизни не слышал о существовании соответствующей теории. Если задаться такой целью, можно всегда проследить связь между любыми двумя общественными явлениями — однако в большинстве случаев достаточно лишь сознавать, что эта связь есть. Следует, однако, отметить, что имеется и обратное влияние: самое абстрактное

теоретизирование оказывает воздействие на культуру общества в целом — и тем самым на обыденную деятельность совершенно далеких от науки людей. Как теоретик не может обойтись без «простых трудяг» — так эти люди, создающие нечто такое, что можно пощупать (или съесть), нуждаются в тех, кого они зачастую считают обыкновенными бездельниками, дармоедами, живущими за чужой счет.

* * *

Универсальность — когда специализация доведена до предела. Уникален каждый человек, понимание только через посредника... Субъект.

* * *

Любая мысль привязана к своему окружению. Без него она лишена смысла. Поэтому применение общих положений в каждом единичном случае требует особого, именно для этого случая годного языка — а не простого повторения когда-то построенных фраз. Надо постоянно перефразировать общие схемы, переносить из одной области в другую не готовые формулы, а способ действия. Иначе теряется предмет мысли: речь идет уже не о нем, а о том, в каких формах можно его мыслить.

* * *

Как рефлексия становится внутренней на уровне сознания, так и классовая борьба становится внутренней: для индивида, для личности, для любой группы.

* * *

Распределение обязанностей заранее — вырождение. Когда есть общность деятельности, детали выстроятся сами собой, и каждый нужен каждому. В мобильном, переменчивом движении обязанностей,

они перестают быть таковыми, и рождается подлинное единство. Например, в быту, в совместной жизни.

* * *

Незаконченность и противоречивость — естественные атрибуты нормального, развивающегося знания. Поэтому любимый аргумент бывшей «марксистской» критики буржуазных «лжетеорий» — отсутствие законченной системы взглядов — это скорее похвала, чем хула. Критики утонули в метафизике, не смогли выйти за рамки собственных куцых схем, встать на точку зрения собеседника (но не принять ее!). Так буржуазная идеология представлялась в более привлекательном свете, нежели идеология коммунистическая, несмотря на все достоинства последней, — просто потому, что буржуазные идеологи зачастую оказывались умнее советского философа в законе.

* * *

Универсальность человека выражается, в частности, и в том, что в любой культуре явно лишь то, что не зависит от частных.

* * *

Почему, собственно, десяток макросемей нужно стремиться свести к единому праязыку? Вполне может оказаться, что сходство древнейших языков не является свидетельством их общего происхождения — скорее, оно отражает сходство самих процессов становления языка у людей. Аналогично тому, как пентатоника (а еще ранее трихордовые попевки) возникла независимо у совершенно разных народов — благодаря единому устройству голосового аппарата, сходной организации слуха и общности законов их развития в речевой и музыкальной практике. Тогда имеет смысл попытаться реконструировать процесс возникновения мышления по тем чертам, которые присущи различным языковым системам, и тем самым, предположительно, выражают общелогические закономерности.

* * *

Наука не может дать никакой «картины» мира — это не входит в ее компетенцию. Всякое обобщение такого рода — уже философия. Когда ученый начинает говорить о мире в целом — он выходит за рамки своей науки, и науки вообще. Потому «научные» картины мира оказываются весьма бледны и однообразны.

Другое дело, что философские построения (и в том числе картина мира) влияют на развертывание науки. Более того, наука невозможна без них. А значит, ученые должны так или иначе быть философами — чтобы не перестать быть учеными.

* * *

Мерой прочности семьи является степень личной свободы всех ее членов.

* * *

Общее все-таки есть. Хотя и проявляется оно лишь как совокупность единичностей. Надо просто думать, говорить, действовать — по-своему, не оглядываясь на мнения других, не подстраиваясь под их понимание. Быть — как это необходимо. А значит — быть всеобщим образом, всегда.

* * *

Система порабощения одних людей другими делает большинство бесправным, лишает его возможности легально бороться за свою судьбу. Единственный выход — восстание. А это кровь и смерть во все времена.

* * *

Земная философия слишком антропоцентрична. И материалисты впадают в частности, как только заходит речь о сознании. Но когда-то

надо выходить за рамки обыденных представлений и постигать разумность во всех ее проявлениях, вплоть до разумности Вселенной как таковой.

* * *

По-видимому, окончательное вытеснение капитализма (и вместе с ним классовой общественной организации как таковой) может произойти только тогда, когда человек преодолет зависимость от своего биологического тела, научится сознательно воспроизводить себя, и физиологически меняться по необходимости. Пока попытки такого самоизменения носят поверхностный, декоративный характер. Но искусственное оплодотворение (и клонирование), операции по изменению пола — это уже намек на освобождение человека от собственной физиологии.

* * *

Структура — «внутреннее» определение (из чего состоит, как устроено).

Система — «внешнее» определение (как себя ведет).

Система не может что-либо «включать» в себя — не переставая быть системой. В частности, система не может содержать сама себя. Как только речь заходит о внутреннем устройстве системы, образуется нечто, объединяющее черты системности и структурности, — иерархия. Самоподобие — модель рефлексии.

* * *

Первичные потребности биологического происхождения: в защите, в еде, в сне, половая — могут выступать на первый план только при отсутствии потребностей более высокого уровня. Желание поесть, например, можно сделать универсальным заменителем всех других потребностей, придав ему особые, культовые формы. Как мат заменяет человеческую речь, если не хватает способности выражать

себя иначе. По-видимому, жизнь людей будущего будет достаточно богата, чтобы им стало просто не интересно набивать брюхо, хотя бы и в комплексе с букетом тонких ощущений. И тогда характер питания будет безразличен, и люди постепенно сведут эту процедуру к минимуму. С изменением материального носителя разума питание, как оно существует сейчас, окажется ненужным.

* * *

Возможно ли всеобщее знание? Не зависящее от условий места и времени. Остающееся навсегда.

Да, возможно. Собственно, человек тем и отличается от всего остального, что способен представить всеобщее — и не как предельный переход, вечное приближение к истине, но актуально, в пределах одного конечного и ограниченного человеческого существа. Однако одно дело просто быть бесконечностью, а другое — сознать ее в себе. Найти конечную форму для выражения бесконечного, всеобщего — невозможно. Вопросы философии — это вечные вопросы, получающие новое освещение в каждую эпоху.

* * *

Рефлексивные категории? Условность. Все категории рефлексивны, и все они сопоставлены со своими противоположностями. Поскольку категория есть всеобщее, она содержит все.

Уровни по «приложениям»? Но категории «чистой» философии («материя», «субстанция» и т. п.) ничем не лучше категорий любой части ее (например, «теория», или «классовая борьба»). В каждой категории — вся философия.

* * *

Гегель великолепен в своей всеобъемлющности. Даже забота о собственном здоровье превращается у него в необходимое условие духовной свободы человечества!

* * *

Сознание — способ самовоспроизводства высокоорганизованной материи. Оно не привязано к биологическому телу, к мозгу.

Но все же: что происходит, когда умирает человек? Где то нарушение организации материи, которое воспринимается как смерть разумного существа? Это явно не связано с биологической смертью — ведь разум иногда умирает и в живых.

И почему требуется больше сил на построение иерархии, нежели ее разрушение? А может быть, разрушение только кажущееся?

* * *

Вера, опосредованная знанием, превращается в убеждение. Опосредованная незнанием, вера превращается в суеверие.

* * *

Культура — синтез традиционности и прогресса. Культурный человек умеет выйти за рамки общепринятого, не порывая с ним.

* * *

Первое орудие человека — другой человек. Мысль о «первобытном коммунизме» вряд ли отвечает действительному ходу общественного развития. «Коммунистические» элементы, наблюдаемые в более поздних примитивных сообществах — отнюдь не осколки прошлого; наоборот, то, что считается зародышами эксплуатации, — на самом деле есть первобытная основа. То, что называют «первобытным коммунизмом» — результат застойного существования на низком уровне развития производительных сил.

Однако это не значит, что такова вечная и неизменная природа человека, и эксплуатация человека человеком не исчезнет никогда. Скорее, это говорит о том, что собственно человеческого, разумного общества еще нет, ему только предстоит родиться.

* * *

Возможно, развитие устроено таким образом, что, несмотря на всю его неравномерность, одна часть не может сильно обогнать другие. И потому коммунистическое государство просто не могло появиться в капиталистическом окружении.

Упругость: можно оттянуть кусочек в сторону, до определенного предела, — но как он впечатается в общую массу, если его отпустить! Если уж очень сильно потянуть — он оторвется.

Суть в соответствии общественного устройства и культуры в целом уровню развития производительных сил. Азбука.

* * *

Единственный из советских философов, кто сумел — в движении мысли — подняться до уровня Маркса, Энгельса и Ленина, — это Эвальд Ильенков. Но классиком не стал. Почему?

Основа, конечно, в экономике. В конце 50-х — начале 60-х XX века время логики еще не пришло, а диалектика была чужда механизмам общественного производства. Субъективным выражением этого стало то, что у Ильенкова не было ни товарищей, ни серьезных оппонентов. Он был до безумия одинок, ему просто не с кем было разговаривать.

Время Ильенкова — конец хрущевского волюнтаризма и начало брежневской эпохи, застоя и угасания, когда экономика окончательно теряет социалистическую ориентацию, дисциплина труда (а тем более мысли) становится чистой абстракцией, духовное опустошение и моральное одичание толкают людей — особенно молодых — к пессимизму, к идейному вырождению. Мысль заменяется штампом, цитатой. Энтузиазм? — только за деньги или по разнарядке. Бюрократия и формализм всюду и всегда.

Удивительно, как Ильенков смог устоять на подлинно марксистских позициях, несмотря на идеологическое давление. Но устоял. И немногочисленные его работы стоят в истории развития философской мысли на одной полке с трудами классиков марксизма.

* * *

Диалектике нельзя научить. Диалектике можно научиться.

* * *

Терроризм — оборотная сторона демократии. Когда большинство решает, меньшинству остается либо покориться, либо получить свое любой ценой.

* * *

Спокойствие и уравновешенность сельских жителей стали притчей во языцех. Однако проистекает это спокойствие от невежества, от неумения предвидеть последствия. Точно так же горожанин, попав в дикий лес, не обратит ни малейшего внимания на то, что для лесных обитателей — явный признак опасности. Деревенские привычки мешают в городе, городские в деревне. Отсюда всевозможные глупости.

И все же, объективно, городская жизнь динамичнее, разнообразнее и универсальнее. А значит, адаптивные возможности горожанина значительно выше. Устойчивость к стрессам, гибкость мышления. Все это постепенно привносится городом в деревенскую жизнь, по мере ее преобразования к индустриальным формам. И именно горожанин впоследствии становится хранителем природы, а не только потребителем ее.

Процесс слияния города и деревни — неизбежность. Его можно только притормозить.

* * *

Единственный путь что-то преодолеть — отчасти уподобиться этому. Война делает человека убийцей. Противостоять фашизму способен только тоталитарный режим. Взорвать господство одного класса над другими способна лишь измена части его представителей. Спиноза.

* * *

В философии все — дилетанты.

* * *

Люди объединяются по-разному. Конструктивное объединение развивает личность, деструктивное — подавляет. Например: пара влюбленных — и пара волов в одной упряжке. Союз во благо, если он вырастает как развитие внутренних тенденций; все, что исходит от внешней необходимости — мертво.

* * *

Мировоззрение — способ деятельности.

* * *

Ленин: «Марксист вполне признает законность национальных движений. Но чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях...»

* * *

Математические формулы — не сами по себе. Они лишь выражение вполне реальных схем деятельности, наших обычаев и привычек. Открытия на кончике пера, осознание существующего.

* * *

Капиталистическая наука просто обязана быть эффективнее науки социалистической — просто потому, что иначе ей не справиться с задачей сохранения отживающего общественного строя. Другая сторона того же самого — необходимость животной борьбы за существование, когда требуется больше изворотливости, чем разума.

Однако общественная значимость науки при капитализме крайне мала, поскольку ее результаты служат не людям, а капиталу. Ограниченность собственника — ограниченная наука.

* * *

Всякое понятие — пограничное.

* * *

Раб не человек — пока он в рабстве. Атрибут человека — свобода; необходимость — удел животного. Человек является человеком поскольку он свободен — а свободен человек даже в необходимости. Например — Диоген в рабстве. Тот, кто смирился со своей несвободой, — не заслуживает человеческого отношения к себе.

* * *

Настоящая философия едина. Поэтому последовательный идеализм в ней тождествен последовательному материализму, а метафизика в своем полном развитии тождественна диалектике. Светлые мысли возникают в темные времена.

* * *

Свобода в выборе цели сочетается с необходимостью путей ее достижения. Но всякий путь есть движение от одной промежуточной цели к другой — и тем самым всякая цель служит чему-то более высокому, и тем самым предопределена. Свобода становится необходимостью, а необходимость — свободой.

* * *

Диалектика не только метод мышления — но и мировоззрение. Она не предсказывает будущее, а создает его. Не оракул, а человек.

* * *

Никакое, даже самое абстрактное, знание не может возникать только из себя, самопроизвольно. Когда в обыденной деятельности людей намечается культурная закономерность, когда отдельные стороны этой деятельности выходят за рамки индивидуального опыта и приобретают всеобщий характер, — это выражается в первичных, эмпирических обобщениях. Делают такие обобщения отнюдь не мужи науки, а наоборот, менее всего связанные с наукой люди, движимые желанием облегчить себе жизнь за счет упрощения и стандартизации собственных действий, свертывания их в операции, выполняемые без участия сознания, как бы сами собой. По видимости — набор индивидуальных автоматизмов постепенно становится достоянием определенной социальной среды; на самом же деле, свертывание действий в операции происходит как раз в силу того, что эти действия освоены многими людьми, обобщены.

Любое общественное явление, едва возникнув, тут же отражается в каких-либо культурных образованиях. Например, в искусстве. Или, скажем, в интуитивных представлениях о предмете исследования какой-то из наук. Именно такие, нерасчлененные (синкретические) представления и служат основой для дальнейших обобщений, которые кажутся совершенно самостоятельными и не опирающимися ни на какой опыт — всеобщими априорными формами мышления.

Однако игра абстрактными формами не может сама по себе порождать знание. Ибо знание не сводится всего лишь к набору сведений на ту или иную тему; это прежде всего умение находить в окружающем человека мире, в его повседневности, всеобщие закономерности, обнаруживать собственную причастность к общественно необходимой деятельности. Игра ума, абстрактное комбинирование возможностей, приводят иногда к удивительным находкам, красивым парадоксам, — но не к открытиям; формальные результаты, не затрагивающие интересы людей, вызывают все тот же недоуменный вопрос: ну и что? Но если такие построения соотносятся с практикой (хотя бы и косвенным образом, через практику научной деятельности) — они будут приняты обществом как культурно оправданные, не требующие дальнейших обоснований.

* * *

Появление разума — такая же природная необходимость, как существование галактики, или электрона. Вопрос «почему?» здесь просто неуместен. Однако вполне допустимо интересоваться деталями процесса, исследованием условий, необходимых для возникновения разума, и возможных его форм. Как человек стал тем, что он есть? Что в его развитии имеет всеобщее значение, а что является специфически земным? Можно ли ожидать принципиально иных форм разума, не привязанных к органике белков? Каждый ответ — окно в будущее.

* * *

«Однородный организм», *contradictio in adjecto*.

* * *

Культура невозможна без постоянного обновления. Что-то должно уходить в прошлое, забываться, не путаться под ногами, не сковывать движения вперед. Однако это не значит, что следует начисто искоренить все следы былого в современной культуре, — память нужна, без нее нет человека. Но помнить без излишеств, не дать прошлому повода возомнить себя выше настоящего — и навязать себя в качестве высшего критерия цивилизованности. Каковы бы ни были современные проявления человеческого варварства — люди прошлого были еще более дикими. Искать в прошлом эталонов нравственного, физического или общественного совершенства — занятие напрасное; не было их там, и не могло быть. Пока остаются убожество и нищета, пока миллионы людей влачат жалкое существование, обеспечивая безбедное житье кучке «избранных», не знающих, куда приложить свое богатство, — всякая культурность возможна только в намеках, отдельных проявлениях, разрозненных проблесках разума.

Бережное отношение к культуре — не в том, чтобы трепетать над каждым камнем, над всякой бытовой мелочью или осколками нравов. Культурные ценности прошлого достаточно оставлять последующим поколениям в «законсервированном» виде: в описаниях, моделях,

копиях. Дело не в том, чтобы сохранить какую-либо вещь на тысячи лет; такой реликт не способен нести культурного содержания, пока остается лишь уникальным экспонатом, недоступным большинству людей. Вещи должны жить. Что уже не годится в быту, не вписывается в новый образ жизни, — пусть уходит навсегда; остающиеся описания должны быть общедоступны, чтобы при надобности всякий мог воссоздать нечто подобное для своих личных нужд. Как правило, такое воссоздание не будет в точности повторять прошлое — оно способно породить лишь стилизации, особые формы вполне современных вещей.

Особенно важно — уйти от прошлого в условиях жизни, в способах ее повседневной организации. Это означает, помимо всего прочего, изменение среды обитания человека: архитектурной инфраструктуры, коммуникаций, домов, интерьера. В идеале, конечно, человек должен иметь возможность выбирать, сознательно конструировать свое жилище, по-своему вписывать его в общий архитектурный ландшафт. Пока подобная индивидуализация жилья невозможна, следует решительнее рвать с архитектурными традициями, перестраивать города в соответствии с новыми жизненными стандартами, новыми возможностями строительной индустрии. Пусть остаются отдельные зоны исторической застройки — только не в качестве жилых массивов или деловых центров. В конце концов, и старые города можно оставлять лишь в макетах, если нельзя поднять их до уровня современности. Особенно это касается разного рода культовых сооружений, теряющих свое прямое значение — и мало пригодных для чего-либо еще. Например, после социалистической революции остатки религиозности надо было уничтожать вместе с храмами, монастырями, предметами культа. Разумеется, при сохранении подробных описаний, моделей, копий, — выполненных на достаточно высоком техническом уровне. Нельзя оставлять религии никаких реликвий; конечно, при случае попы с охотой фальсифицируют их (вроде пресловутых мощей «убиенного» царевича Дмитрия, или кусочков «гроба господня», или легендарного города Назарета, не существовавшего до второй половины XX века) — однако заведомо новые, фальсифицированные «реликвии» не столь удобны для оболванивания масс, как нечто подлинное, старинное, проникнутое

духом древности... То же относится и к разного рода дворцовым ансамблям, усадьбам, мемориалам и памятникам. По-видимому, когда в будущем отомрет любовь публики к массовым зрелищам, когда каждый сможет наслаждаться тем, что ему приятно, у себя дома, наедине с собой, или вместе с близкими людьми, — исчезнет и нужда в особых зрелищных центрах (театры, киноконцертные залы, спортивные сооружения, выставки и музеи); все они также должны будут уступить место чему-то другому, сохраняя в описаниях лишь исторический интерес.

Настоящая архитектура служит прежде всего удобству людей, она не имеет права впадать в абстрактно-художественные извращения. Пусть будет поменьше внешних украшений, архитектурного пижонства; если архитектор не умеет совместить удобство и простую красоту — это просто никудышный архитектор.

Современный человек еще не избавился от глупой страсти к туризму, к осмотру достопримечательностей, поверхностному ознакомлению с чужеземными диковинками. Эта страсть побуждает его к вечной суетливой гонке от одного впечатления к другому, столь же пустому и не дающему ничего для души. Туристическая индустрия порождает разного рода архитектурные извращения, возведение практически бесполезных сооружений, призванных только привлекать внимание тупоголовых любителей развлечений. При этом, из-за ограниченности ресурсов на нынешнем уровне развития экономики, силы и средства отнимаются у жилищного и производственного строительства, у культуры в целом. В нормальном обществе будут строить только то, что нужно для улучшения условий жизни людей, безотносительно к мнениям и пожеланиям праздношатающихся. А в условиях классового расслоения, чтобы остались хоть какие-то возможности, приходится пресмыкаться перед досужими зеваками побогаче; но это культура пресмыкающихся, а не истинно человеческая культура; человеческого быта ожидать не приходится.

Еще одна сторона псевдокультуры — архитектурный символизм: возводится нечто, воплощающее отвлеченную идею — будь то божественность фараона, незыблемость самодержавия, вечная память, национальная исключительность или всеобщий космизм. Бывает, что

символический оттенок приобретает построенное ранее; например, резиденция власти становится символом державы (московский Кремль). В этом случае следует немедленно принять меры к устранению вредной ассоциации, изменяя назначение зданий — вплоть до уничтожения их, при невозможности приспособить для каких-либо иных нужд. Помимо прочего, такой подход способствует выживанию наиболее универсальных и максимально удобных строений, архитектурной лаконичности — и подлинной красоте.

* * *

Воздействуя на мир, человек вместе с тем изменяет и свою собственную природу; точно так же, преобразуя общество, люди воспитывают самих себя.

* * *

Деятельность человека иерархична: что-то выдвигается на первый план, что-то считается не столь важным — до поры. По-другому человек не может. Импульсивное поведение, при котором любое действие равно возможно, выглядит болезненным отклонением; сверхзабоченность, пристальное внимание к каждой мелочи — один из видов сумасшествия.

Как человек действует, так он и мыслит. Мысль сама — лишь одна из разновидностей действия. И мышление неизбежно становится иерархичным, выделяя в мире самые разные сочетания уровней, различая существенное — и случайное. Любое сопоставление двух вещей уже предполагает их различие, а значит и упорядоченность. В самом деле, если Y отлично от Z , можно отыскать в Y нечто такое, чего нет в Z (или что присуще ему в меньшей мере). И наоборот, в Z найдется нечто отсутствующее в Y . Тем самым Y и Z оказываются упорядочены по наличию/отсутствию соответствующих качеств.

Но человек, и все, что он делает, и его мышление — это лишь часть единого мира, отражающая собой и мир в целом. Иерархичность мышления и деятельности — не субъективное свойство, не

случайность и не произвол. Человеческая деятельность есть один из уровней воздействия мира на самого себя, его самодвижения и саморазвития. И в ее иерархичности представлена иерархичность самого мира — поскольку он всегда представлен в любой из своих частей.

* * *

Гегель — вершина немецкой классической философии. Я бы назвал его также последним выдающимся философом эпохи Возрождения. На протяжении нескольких столетий из единой средневеково-латиноязычной философии выростали национальные философские школы, в которых философствовали на родном языке и опирались на его глубинное строение, в конечном счете, выражающее строй мысли нации. Так сложилась английская философия, потом французская и, наконец, немецкая. Гегель писал для немцев живым немецким языком, максимально используя его выразительные средства. Такое трудно переводить на другие языки. Однако после Гегеля философия вступила в новую фазу. Началось движение к единству, к синтезу национальных философий и построению новой философии, которая не зависела бы от национальных и языковых особенностей. Процесс этот пока не завершен, и трудно судить, как философия сумеет вобрать в себя национальные черты универсальным образом. Возможно, потребуется создание особого языка, наподобие формальных языков в науке, которые неизбежно дополняются обычным языком, но все же дают основу для взаимопонимания представителям самых разных культур.

* * *

Буржуазная философия истории пытается всячески принизить одно из основных открытий Маркса — идею общественно-экономической формации. Не дает им покоя объективная неизбежность гибели капитализма. И начинаются разговоры о том, что, дескать, никто в чистом виде ни одну формацию не наблюдал, что культурное многообразие выходит за рамки простой схемы... С таким же успехом

можно, например, отрицать геометрию на том основании, что в природе не бывает идеальных точек, прямых линий или геометрических фигур, что любые формы в реальной жизни гораздо сложнее. Всеобщее никогда не существует само по себе, оно реально лишь как единство многих частных проявлений. ОЭФ — это логическая категория, а не зарисовка с натуры, изображение конкретного общества. Но без таких категорий — не может быть конкретности.

* * *

Культура в широком смысле — мир в том виде, как его пересоздает разум, единство природы и духа. Отсюда, в частности, различие единичных культур — и осознание культурности как причастности к передовым достижениям человечества в целом. Однако в ряде стран Европы широко используется и другое, более узкое понимание культуры, противопоставляющее ее науке; в основном, сюда относят искусство, шоу-бизнес, фольклор, народные промыслы и художественная самодеятельность — а также различные формы просвещения (образование и воспитание, выставки, музеи, книгопечатание и медийные проекты). Откуда эта эклектика?

Корни ее — в глубокой древности, в истории социального расслоения при переходе от первобытнообщинного строя к классовому обществу (цивилизации). Культура в целом при этом становится иерархией клановых культур (родоплеменных, сословных, классовых и т. д.), воспроизводящей в своем строении классовую организацию общества в целом. Общий смысл таков: отделить высшие слои от низших, объявить культуру избранных сокровенным знанием, а для низов — оставить что попроще, вульгарнее, доступнее неотесанной массе... Так и повелось с тех пор делить культуру на «элитарную» и «популярную» — однако принципы этого деления значительно менялись на протяжении веков, следуя развитию экономики и общественного устройства.

Каково бы ни было классовое расслоение в рефлексии, верхам приходится делиться своими «тайнами» — поскольку развивается

культура прежде всего трудом широчайших масс. Однако господствующие классы в любом случае стремятся сохранить хотя бы видимость избранности, и массовая культура всегда носит двойственный характер: с одной стороны, это популяризация, подтягивание общества в целом до уровня новейших открытий, — с другой стороны, плоды рефлексии преподносятся обывателю в намеренно искаженном, опошленном виде, с примесью идеологических стереотипов. Когда новый общественный строй только пробивает себе дорогу, на первый план выходят идеи просвещения; по мере закрепления новых черт — преобладают вульгаризаторские тенденции.

Поскольку каждый элемент иерархии так или иначе воспроизводит в себе ее организацию, в каждой отдельной субкультуре возникают собственные «элиты»: например, искусство в целом сейчас относят к области «культуры» — однако при этом различается «высокое» и «массовое» искусство (и то, и другое может стать профессией).

Становление и развитие капитализма связано с научно-технической революцией; естественно, правящий класс объявляет себя «организатором» всего — и в частности, присваивает себе заслуги ученых, персонифицирует науку, делает ее представителем крупного капитала. Так возникает современное противостояние «науки» (элитарного, недоступного широким массам знания) и «культуры» (то, что полагается знать среднему обывателю). Одной из форм этого расслоения стала пресловутая дискуссия 1960-х о «физиках» и «лириках» (но советская власть так и не заметила ее классовых корней). Другая сторона того же самого — расслоение науки, ее подразделение на естествознание и гуманитарные исследования (которые кое-кто из «естественников» и за науку-то не считает). Наконец, внутри естествознания утверждают особую роль математики (и вообще, формальной теории) по сравнению с эмпирическими и прикладными изысканиями. Совершенно в духе буржуазного узурпаторства, теоретики объявляют себя подлинным источником всякого знания. На следующем уровне подвижная противоположность производства и потребления в классовой культуре абсолютизируется и преподносится в извращенном виде: наука выступает представителем

производительных сил, а все остальное — якобы только использует ее достижения.

* * *

Очевидная параллель: инерция как сохранение механического движения — и метаболизм как сохранение биологического существования. Точно так же человеческая деятельность (и все ее компоненты) призвана сохранять «деятельное» состояние, общую (общественную!) направленность — и, в самом общем смысле, существование разума.

Так мы приходим к иерархии форм памяти. На каждом уровне — свои механизмы сохранения и забывания. Когда психологи обнаруживают (якобы) в мозгу несколько различных способов фиксации следов (от модификации генетического кода до динамической конфигурации полей возбуждения), они смешивают в кучу разные уровни движения материи. С одной стороны, это полезно — хотя бы тем, что возникает вопрос о взаимосвязи различных форм памяти. Но пока нет идеи качественного различия — решить поставленную задачу нельзя, ибо остается неясным, что, собственно, с чем связывать.

Социальная память — воспроизводство форм культуры. И в частности, форм субъективности. Объяснить человеческую память исключительно физиологическими (а уж тем более физико-химическими) процессами невозможно. Наоборот, индивидуальная психика (и обеспечивающая ее физиология) формируется под воздействием культурного окружения — а воспоминания человека становятся субъективными (личными) только при сохранении преемственности культуры. Распад этой целостности означает распад личности. Поскольку же история достаточно инерционна и заметные изменения, как правило, требуют времен, значительно превышающих продолжительность человеческой жизни, возникает иллюзия принадлежности психики биологическому телу. На крутых поворотах истории иллюзии рушатся — и общественная необходимость становится личной трагедией.

* * *

Отказ от философской гносеологии и подмена ее сугубо технологической «эпистемологией» — не просто терминологическая вольность, и не вопрос индивидуальных предпочтений. Речь идет о навязывании массам вполне определенной идеологии, о намерении ограничить человеческий разум рамками дозволенного, — а это неизбежно приводит к уничтожению разумности как таковой. Все в одном ряду: наукообразие вместо науки, пустое мудрствование вместо мудрости, искусственность вместо искусства...

Когда научность сводят к предписаниям академического сообщества, что угодно может быть объявлено наукой; и наоборот, любая наука становится лишь правилами игры, мнением в ряду других мнений. Авторитет науки удобно использовать для пропаганды классовых, мистических, религиозных идей; а с другой стороны — всякое противоречие господствующей идеологии объективным направлениям культурно-исторического развития может быть списано на условность научного познания, невозможность постижения «высших» истин без участия штатных мистификаторов.

* * *

Детская игра — это особая форма деятельности, в которой ребенок «окультуривается», учится согласовывать свои действия с характером исторической эпохи. Соответственно, и формы игры определяются устройством человеческой жизни — и сами становятся культурными явлениями, которые тоже надо осваивать... Игры перестают быть просто подготовкой к деятельности — вокруг них складывается особая субкультура, возникают специфические отрасли производства и сообщества. Игра превращается в особый уровень иерархии деятельностей, между которыми нет неустранимых различий, и одно может при случае преобразоваться в другое.

Взрослый человек вырастает из детских игр — но игра остается одним из важных элементов его субъективности, парадоксально сочетая воспитание способности к рефлексии — и ее принципиальную

ограниченность рамками условного мира, «игрового поля». В определенных исторических условиях формирующая функция игры может отойти на второй план, и люди перестают воспринимать игру как предварительный этап чего-то иного, противопоставляют ее культуре, замыкаются в ней. В условностях игры ищут спасения от невыносимых условностей бытия. Взрослый эскапизм в конце концов меняет и характер детской игры — аутизм вместо социализации.

В игре человек дает волю воображению — но может иногда потерять над ним контроль. Пока само воображение культурно обусловлено и контролируется устойчивостями общественной жизни, в этом нет ничего трагического. Если же вымышленные миры начинают навязывать свои законы и правила живому человеку, уводя его от реальности либо противопоставляя ей, — надо искать причины и лечить.

Обычно даже маленькие дети понимают, что игра — это понарошку; но иногда люди начинают верить, что их фантазии способны ожить, вмешаться в обычную, повседневную жизнь — и даже стать опасными. Корни подобных иллюзий — во величностном, квазиобъективном характере социализированной игры, когда ее правила уже не контролируются отдельными людьми, когда они предписаны обществом — навязаны воспитанием, традицией, или даже законом. То есть, когда игра отражает и закрепляет классовую организацию общества.

С другой стороны, помимо формирующей функции, игра важна еще и как один из механизмов развития культуры, как способ выработки обобщенных представлений, способных вырасти в идею. Источник идей, конечно, не в игре — однако сама возможность «придумать» новые правила игры указывает на созревание новых общественных тенденций и придает им первичную рефлексивную форму. Внешне это выглядит как перерастание фантазии в мечту, а мечты — в стремление. Робкое «а что, если?» превращается в решительное «пусть будет так!».

Но здесь важно отчетливо осознавать, что желания не становятся действительностью сами по себе, автоматически, как по мановению

волшебной палочки. Представить себе нечто — не значит обнаружить это в природе, на самом деле. Из миллионов возможностей реализуется лишь одна — та, что отвечает объективному направлению культурного развития, а значит, открывает возможности для серьезной практической работы. Когда взрослые дяди и тети сокрушаются по поводу несовершенства этого мира, игнорирующего возвышенность их намерений, они уподобляются малым детям, капризно не признающим жизненных реалий и пытающимся выклянуть у родителей очередную (в общем-то ненужную) игрушку.

Существует множество фиктивных «наук», изучающих явления вымышленные, не имеющие отношения к насущным потребностям людей, к практике действительного преобразования мира. Это своего рода интеллектуальная игра, необходимая как для приобщения к знанию, так и для его развития. Любая такая «наука» отражает какие-то стороны современности, указывает на реальные общественные явления и тенденции. Но от этого она не перестает быть только игрой.

* * *

Аналоговые компьютеры (автоматы) появляются раньше цифровых. На ранних этапах развития они эффективнее, поскольку непосредственно решают поставленную задачу, не требуют разработки особых форматов данных и сложных процедур преобразования (дополнительных затрат). Однако потом оказывается, что универсальные комбинации аналоговых устройств — цифровые компьютеры — проигрывая в частности, позволяют добиться гораздо большего за счет гибкости и удобства настройки, за счет возможности использовать единый подход в самых разных областях. Цифровая революция отодвигает специализированные аналоговые устройства на второй план.

Биологические виды подобны аналоговым устройствам: каждый заточен под свою узкую задачу и прекрасно с ней справляется. Предки человека уступают животным по каждому отдельному типу приспособления — однако они уже умеют сочетать различные приспособления в единой биологической организации, и каждый

способен играть множество ролей, передавая их другим по мере необходимости. Такой обмен деятельностью порождает организм нового типа, общество, — аналог универсального цифрового компьютера, — и круг поддающихся решению проблем становится намного шире.

Можно говорить и о разных уровнях универсальности в развитии социальных организмов. На каждом уровне отдельные элементы целого, индивиды, члены сообщества, ограничены в своих возможностях — но все вместе они образуют такую целостность, которая способна компенсировать несовершенство каждого эффективностью универсальных связей. Вырастая внутри такого единства и в связи с ее целостным поведением, каждый индивид постепенно утрачивает излишние специализации и становится более универсальным — платить за это приходится полной видовой неприспособленностью, невозможностью существовать вне сообщества себе подобных.

Классовое общество еще не в полной мере универсально, оно культивирует специализацию и разделение труда, навязывает людям культурные различия. Однако переход ко все более высоким уровням универсальности объективно необходим — и развитие универсальных технологий расширяет возможности каждого члена общества, размывает рамки профессий. Но полностью изжить собственную историю человек вряд ли сможет.

В принципе, каждый человек может все. Однако то, что одному дается легко и непринужденно, получается почти как побочный продукт, может потребовать у другого многих лет упорного труда. Значит ли это, что второй чем-то ущербнее? С точки зрения результата — ничуть. Великое деяние остается великим независимо от того, свершили его за один день или в тысячу лет. Общество может использовать индивидуальные особенности отдельных его членов для скорейшего достижения поставленных целей — но направляется любой талант все равно общественной потребностью, и развивается под нее. Люди, лишённые ярко выраженных талантов, для общества могут быть ценнее, чем узко адаптированные индивиды — если их универсальная организация используется обществом для повышения

уровня универсальности культуры в целом. Каждый хорош на своем месте. Продолжая компьютерные аналогии, возможно приспособить центральный процессор для обслуживания операций ввода-вывода — однако специализированные контроллеры, на данном уровне технологий, делают это лучше. Со временем производительность универсальных устройств растет — и они с успехом могут заменять специализированные (как, например, в сетевых коммуникациях достаточно мощные сервера вполне могут использоваться в качестве роутеров).

Тем не менее, пока общество еще не научилось разумно использовать возможности его членов, различия в уровне способностей могут восприниматься как недостаток, тяжело переживаться и влиять на характер. Вместо того, чтобы гордиться своей универсальностью и попытаться найти ей подобающее применение — человек страдает из-за какой-то «неприспособленности», стесняется, скрывает ее, пытается от нее избавиться... Потом, когда сложатся универсальные общественные механизмы для поиска каждым своего места в целостности культуры, станет очевидной ценность любого члена общества — независимо от склонностей и способностей. И мы перестанем путать это с незаменимостью.

* * *

Рефлексия — не только наука. Перевод наших представлений на рациональный язык — лишь часть духовного освоения действительности, не всегда самая важная. Преувеличение роли науки, провозглашение знания высшей ценностью, — явление преходящее. В каких-то исторических условиях оно способствует освобождению от примитивных форм рефлексии и постановке перспективных задач общественно-экономического развития. В других случаях такое преувеличение призвано отвлечь внимание масс от острых проблем современности, затушевать классовые противоречия.

Практически любая форма рефлексии может существовать на самых разных уровнях, в том числе в науке. Например, на практике

огромную роль играют разного рода описания: они переплавляют отдельные представления в целостную картину мира. Формальные модели науки, как рациональный вариант описания, играют здесь относительно скромную роль. Гораздо полезнее общий взгляд, метафора, аналогия. Там, где на первый план выходит единство (осмысленность) деятельности, наука (как теоретическая, так и эмпирическая) оказывается слишком аналитичной, препятствует единомоментному охвату целого. Образы искусства и философские категории здесь во многих случаях предпочтительнее — хотя и они изначально аналитичны, поскольку отделяют представления о некоторой деятельности от самой деятельности. Но есть еще и свободный (сознательный) выбор как рефлексивный синтез — и здесь мы попадаем в сферу идеологии.

Еще пример: миф может существовать в культуре и как художественный образ, и как исследование его культурных корней, и как утопическая идея... Точно так же, можно по-разному относиться к традиционным обрядам и т. п.

Любое представление становится частью духовной культуры только проходя все уровни рефлексии, развивая все возможные рефлексивные формы. Другая сторона того же процесса — окультуривание, переосмысление прежних рефлексивных форм в ходе исторического развития. И каждый уровень рефлексии дает свой вклад. Так, окультуривание через рационализацию сопровождается различными формами эстетизации, параллельно с освоением (конкретизацией) философских категорий. В конечном итоге все это подчинено потребностям практики, разумного переустройства мира.

* * *

Когда речь заходит о познании, мы исходим из противопоставления объекта и субъекта, абстрагируясь от их взаимообусловленности в деятельности. И тогда любое проникновение в сущность объекта приобретает мистический оттенок, и напрашивается подленький вопрос: а можно ли вообще что-то познать?

С одной стороны, наше знание заведомо неполно, поскольку любая интерпретация выделяет лишь одну сторону целого. С другой стороны, любая интерпретация искажает восприятие, показывает предмет, как мы его хотим видеть, а не сам по себе. И мы, казалось бы, отгораживаемся от действительности самой способностью познания.

А главное-то в другом: сама способность познания предполагает, что нечто есть само по себе, и можно его как-то воспринимать и интерпретировать. За неполнотой и несовершенством — осознание реальности.

Практически нам неважно, как что-то ведет себя само по себе. Важно, как это проявляется по отношению к нам, к нашим сегодняшним потребностям. Поэтому абстрактное познание не имеет смысла. По большому счету, это и не познание вовсе. Пока можно задать вопрос «ну и что?» — до знания мы еще не добрались, мы только подступаемся к нему. Скажите, зачем вам это нужно, — и вы нашли истину.

* * *

Объяснить можно все. Но зачем? Когда суть происходящего в нем самом — что изменят объяснения?

* * *

Объективно — мир отражается в человеке. Просто потому, что не может не отражаться. Но человеческое отражение (поскольку оно именно человеческое) — это еще и действие. А действует человек (поскольку он человек) не ради действия самого по себе, а со смыслом. То есть, в рамках деятельности, направленной на преобразование окружающего мира в разумных целях (а неразумные действия — для тех, кто до человечности не дорос).

Поэтому любая рефлексия — не о прошлом или настоящем, она прежде всего о будущем. Но формы отражения различны — и столь

же различны образы будущего на разных уровнях рефлексии. Искусство — предвидит. Наука — предсказывает. Философия — предвосхищает. Только все вместе способны его человеку открыть.

* * *

Эстетика, логика и этика, конечно, интересны сами по себе, как упражнение для разума. Однако они высохнут и погибнут без практического внедрения в повседневную жизнь людей, которые могут и должны становиться все красивее, все мудрее, все порядочней... И не только в абстрактных размышлениях — но и в каждой прожитой минуте, на каждом шагу.

Простая, казалось бы, вещь: красиво оформленное блюдо в комфортной обстановке — куда приятнее непонятного цвета тюри в ржавой миске на голой земле. Если, конечно, вас не довели до такого состояния, когда любая еда покажется пределом мечтаний. В кафе и ресторанах оформлением блюд занимаются сознательно и профессионально; многие и дома предпочитают соорудить на столе нечто привлекательное, для поощрения аппетита...

Но тут мы сразу же упираемся в потребительский парадокс: сам процесс поглощения пищи (как бы ни старались мы есть культурно) нарушает ее эстетическую привлекательность. Яблоко может выглядеть очень красиво; но стоит откусить кусок — и это уже не яблоко, а всего лишь огрызок яблока, не привлекающий никого кроме наиболее фанатичных обожателей фирмы Apple. Произведения рестораторского искусства иной раз отбивают всяческий аппетит — поскольку разрушать эти шедевры в вульгарно-пищевых целях никак не хочется. С другой стороны, становится жалко загубленных оформлением продуктов питания — которые, прежде всего, призваны накормить алчущих.

Можно предположить, что эстетизация человеческой жизни в конце концов коснется и пищевого поведения. Конечно, многое зависит от манеры еды. Вместо того, чтобы откусить от большого куска (и превратить его в незстетичный огрызок) — можно аккуратно отрезать

(или отламывать) небольшие кусочки, и сохранять остаток в аппетитном состоянии. Но в конечном итоге нам придется либо изменить пищевые предпочтения (что маловероятно, ибо кулинарное искусство давно уже стало существенной частью человеческой культуры в глобальных масштабах) — либо научиться так сервировать блюда, чтобы их эстетика не нарушалась в процессе (культурного) поглощения.

Если блюдо изначально делимо, если оно не требует сложных технологий отделения съедобной части от всего остального, и каждая порция подобна всем другим, — удаление одной порции не приводит к катастрофическим последствиям для целого. В качестве примера — вспомним о типовых фуршетах с множеством крошечных тартинок на большом подносе, о тортах из отдельных пирожных, — наконец, просто о бутылке вина, которую можно аккуратно разлить по бокалам. Вероятно, в будущем появятся новые виды «самоподобных» блюд — и эстетика питания окажется на высоте. С другой стороны, может развиваться индустрия одноразовых блюд в легко утилизируемой (или съедобной) упаковке. Разумеется, это не отменяет возможности перехода на принципиально иные формы питания, вообще не связанные с приготовлением отдельных блюд, — вроде подключения к сетевым ресурсам.

* * *

Поскольку все уровни субъекта взаимосвязаны, общественные явления могут стать личной драмой — и причинить физическую боль. Вплоть до смерти, которая у людей тоже становится иерархией.

* * *

Говоря «я знаю», чаще всего имеют в виду лишь знакомство, поверхностную осведомленность. В других языках такое «знание» может быть обозначено отдельным словом (например, по-французски: *savoir* ≠ *connaître*). После первого ознакомления иногда хочется продолжить знакомство — и тогда оно понемногу дополняется

пониманием, умением воссоздать в себе внутренний мир другого — и стать внутренне богаче. Знакомство + понимание = знание.

* * *

Любые попытки подразделить философию на какие-то отрасли философской рефлексии обречены на провал. Философия — отражение единства мира, и себя она развивает в таком же единстве. Как только мы обозначили одну из возможных структур — мы обязаны показать, как она переходит в другие, сливается с ними.

Это не значит, что можно философствовать хаотически, в жанре «потока сознания», — как это любят делать некоторые философы (преимущественно европейские). В каждом акте философствования философ обязан выстроить некоторую целостность, исходя из центральной идеи — и постоянно возвращаясь к ней.

* * *

Изобретать неологизмы никому не возбраняется. Если кому-то не хватает естественного языка для выражения сути дела — можно придумать формулу. Но чрезмерное увлечение этим занятием отвлекает от философствования как такового, от поисков единства. Формальные обозначения хороши там, где надо поставить задачу, предложить направление, подчеркнуть особенность. Понятно, что такие «размежевания» в философии задерживаться не должны — и любой неологизм подлежит развертыванию, истолкованию и осмыслению. Слова ничего не объясняют, они лишь побуждают нас действовать.

* * *

Субъект берет мир как объект — и превращает его в продукт. Когда дело доходит до более глубокого освоения мира, объект предстает субъекту уже не непосредственно, между ним и субъектом встает другой объект — *инструмент*. Точно так же, производство требует

особого вспомогательного объекта — *орудия*. Но каждый продукт — необходимая часть мира, он в свою очередь становится объектом. Это не стихийный процесс, это тоже деятельность субъекта. Но уже на другом уровне: здесь участвует общественный, коллективный субъект. А представлен он, опять же, некоторым «вспомогательным» объектом, опосредующим преобразование продукта в объект. Очевидно, это должен быть объект более высокого уровня, объективированный общественный субъект. Так мы приходим к представлению о *технологии*, в рамках которой используются те или иные инструменты и орудия.

* * *

Философия занимается всеобщим, ее забота — целостность мира. Но чтобы утвердить такой интегративный подход, нужно преодолеть чересчур трепетное отношение к самобытности каждой отдельной философии: не только отказаться от претензий на единственно верное выражение сути бытия — но и отказать в таком самовозвеличивании другим. На практике это означает неприятие любой доктрины и борьбу против всех — поскольку доктринерство как таковое не приемлет возражений и записывает возмутителей спокойствия в число врагов. Философия развивается через отрицание частных философий; но эти частные философии представляют собой форму ее развития, так что философ неизбежно принадлежит одной из партий и вовлекается в бесчисленные идеологические споры. Собственно, мудрость и состоит в том, чтобы в водовороте противостояния всех всем не пытаться вознестись над несовершенным миром, а подарить ему крупицу совершенства. Полемика — душа философии, но на то и нужен разум, чтобы направлять и облагораживать движения души.

* * *

Пищевые ритуалы возникают в условиях недостатка пищи, когда, с одной стороны, приходится распределять скудные ресурсы между членами сообщества, а с другой, намеренно осложнять процесс приема пищи, чтобы создать хотя бы видимость изобилия. Заглушить

голод можно погрузившись с головой в какую-нибудь деятельность, так, чтобы для мыслей о еде просто не оставалось времени. Чайная церемония, например, в этом плане мало отличается от обычной рекомендации есть не спеша, маленькими порциями, растягивая время.

При случае любое дело способно послужить источником вдохновения; так и еда в современном мире часто становится вторичным ритуалом, формой рефлексии, а не способом насыщения. Там, где условия жизни обеспечивают необходимый минимум, можно посибаритствовать за столом, смакуя тонкие оттенки вкуса. То же касается и других плотских удовольствий. Однако, чем дальше человек уходит от животного, тем больше у него собственно человеческих поводов для творческого переживания.

* * *

Искусность — предпосылка искусства. Искушенность — его результат.

* * *

Наивно полагать, что люди думают мозгом. Мышление — это общественный процесс. Никакие физиологические движения не делают людей сознательнее, для этого требуется подчинить психику экономической и социальной необходимости.

* * *

Когда человек переходит от глубокомысленного самокопания к делу, ему не столь важно, как это потом назовут. У него есть практический интерес — и он идет к цели. Разумеется, чем-то он при этом руководствуется, но если одного окажется недостаточно, пустоту легко заполнить другим. Да, он отдает себе отчет в своих действиях и несет за них полную ответственность. Но это синтетическая рефлексия, снимающая противопоставление разных аспектов

самосознания. Различение эстетики, логики, этики возникает на аналитическом уровне и отражает формы общественного разделения труда. При других обстоятельствах точно так же сложится иное подразделение уровней синтетической рефлексии, которые не делимы в действительности.

* * *

Можно (и полезно) говорить и научности философии — но лишь как об одной из ее сторон. Философия — синтез искусства и науки, и научность, следовательно, ей не чужда. Однако с тем же успехом допустимы представления о художественности философии, отношение к ней как к своего рода искусству. Но, ведь и науки с искусством не разделены бездонной пропастью. Одно невозможно без другого. Философское знание — такая же объективная реальность, как познание в искусстве. Философская образность — столь же объективна, как образность в науке.

* * *

Не удивительно ли, что после стольких книг о методе Маркса, никто так и не удосужился применить этот метод на деле — и получить хоть сколько-нибудь сравнимый результат?

Мудрость не приходит извне — ее надо вырастить в себе.

* * *

Вопрос о взаимоотношениях личности и общества возможен, очевидно, лишь там, где личность обществу противопоставлена. Для первобытности — вопроса просто нет, ибо первобытная личность — это больше возможность, чем действительность: она не существует как нечто самостоятельное. После капитализма — вопроса не будет, поскольку каждая личность станет полноправным представителем общества в целом, а общество будет личностью.

* * *

Те, кто родился в дерьме, и рос в нем, считают это нормальным состоянием общества и мира. Поскольку вместо мозгов у них тоже дерьмо — додуматься до чего-то чистого они не в состоянии.

* * *

Проблема в том, философия нужна лишь там, где еще нет мудрости. Стоит чего-то достичь — и философия, вроде бы, уже ни при чем.

Точно так же, наука полезна тем, кто еще не научился, а искусство требуется недостаточно искушенным.

* * *

Правильное мышление = мышление по правилам. Но кто устанавливает правила?

* * *

Единство мира не предполагает единства мнений.

* * *

Цитаты — не аргумент. И любые другие аргументы — не аргумент.

* * *

Метафизический рационализм — порождение правящих классов. Они могли себе позволить пофантазировать о стабильности бытия. Кто победнее — вынуждены каждый день сводить концы с концами, реагировать на трудные повороты. Никогда не знаешь, что принесет новый день. Трудно избежать соблазна попытаться обустроить жизнь раз и навсегда, чтобы дальше не обустроиваться, а просто жить. К сожалению, это не то, как устроен мир. У бесклассового общества, скорее всего, будут свои проблемы — и кризисы, и катастрофы...

Возможно, наши нынешние бедствия покажутся по сравнению с этим лишь мелкими житейскими неурядицами.

* * *

Разум состоит и в том, чтобы не переоценивать роль познания, отводить ему именно то место в составе целого, которое ему положено.

В некоторых ситуациях познание может отходить на второй план, другие вещи важнее.

* * *

Поскольку в каждой философской категории содержатся все остальные, изложение философии неизбежно приведет к многочисленным повторениям. Рассуждая об какой-то одной категории, мы привлекаем все остальные, снова воспроизводим их взаимосвязь, в другом контексте.

Последовательное изложение философии будет, поэтому, больше похоже на серию очерков, а не на монографию. Курс философии — подобен курсу медицинских процедур, и точно так же, его полезно время от времени проходить заново.

* * *

У любых вещей есть нечто общее — их уникальность.

* * *

На протяжении своей жизни каждый совершает огромное количество безнравственных поступков. Просто в силу своей ограниченности, конечности. Идея нравственности предполагает полноту осознания — а мы часто вынуждены действовать под давлением обстоятельств, плыть по течению. Тем более в бесчеловечном классовом обществе. Поэтому от совести нам не уйти. Да, это больно. Нельзя оправдывать

то, чему нет оправдания. Но отказываться от собственного долга — худшая безнравственность.

* * *

Человек не гоняется за временем и не тонет в его бездне. Он умеет управлять им. Растягивать мгновения и спрессовывать миллиарды лет — так, чтобы ему было комфортно их наблюдать и вмешиваться в развитие событий.

* * *

Слова: «ницшевовское» (Nitzsche's) — и «ницшеанское» (Nitzschean). Это совсем не то одно и то же.

* * *

Синтетическая рефлексия трудна для осознания. Просто потому, что она преодолевает уровень собственно рефлексии и идет дальше, в практику. Синтез не в каких-то особых продуктах особенной деятельности — он в конкретных делах, которые представляют здесь плоды рефлексии. Когда мы говорим об эстетике, логике или этике — мы берем синтетическую рефлексия с одной стороны, вписываем ее в аналитические рамки. Любая другая схема ничем не хуже. Постигание подлинной синтетичности достигается через отказ от абсолютов: надо принять неизбежность разных точек зрения и подходов, пробовать разные частичные представления, понемногу устанавливая их общность.

* * *

Библейский дурман заставляет людишек повторять на все лады: что есть истина? А истина вовсе не «есть» — никто и ничто не подарит ее нам, и не объяснит, как пользоваться... Есть мир — и мы в нем, — и наш разум делает мир истиной.

* * *

Не бывает «своего» труда. Труд потому и труд, что он вместе, на общее благо.

* * *

Добро предполагает зло. Там, где у всех все есть, понятия добра и зла теряют смысл. А когда чего-то не хватает, добро по отношению к одному оборачивается злом по отношению к другому, ибо давая одному, мы обделяем другого — может быть, не менее достойного, и острее нуждающегося.

* * *

Человек как член группы — животное, родовое существо. Человек как личность, как гражданин мира — вселенная.

* * *

Чтобы победить болезнь, надо этого хотеть — однако одного только желания недостаточно: серьезные дела не сдвинуть с места никакими медитациями, тут надо руки приложить.

* * *

Искусство говорит о вечном. Наука говорит о вечном. Философия — говорит о вечности.

* * *

Компьютер — существо деликатное. Если вы с ним плохо обращаетесь — он вам ответит тем же. Привычка варварски обращаться с вещами — от дикости: недочеловеки считают вещи (а также животных и других людей) своими рабами и полагают, что вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Только усмотреть

они по-человечески не умеют. Только человеческое отношение к вещам — очеловечивает вещи.

* * *

Сомнение — путь к мудрости. Но это и верный признак ее отсутствия.

* * *

Когда взрослый дядя начинает объяснять детишкам, что Деда Мороза не существует, — этого «правдолюбца» следует немедленно отстранить от работы с детьми, и вообще от любой серьезной работы. Во-первых, если уж говорить правду — следует выбирать для этого подходящее место и время. Неуместная правда — хуже любой лжи. Но про Деда Мороза — это еще и беспардонная клевета. Дед Мороз, конечно же, существует — хотя бы как идея, как образ, как традиция, как олицетворение нового года; как культурное явление — он одинаково реален для взрослых и детей. Отождествлять Деда Мороза с актером, играющим роль, — все равно что ставить знак равенства между страной и ее президентом, между любовью — и ее выражением, между химическим соединением — и его формулой, между делом — и замыслом. Ребенку такое смешение простительно, и на каком-то этапе развития даже необходимо. Но если взрослый человек не понимает элементарных вещей — ему не место среди разумных существ.

* * *

Еда как праздник — от вечно голодной жизни далеких предков... Когда еда становится лишь повседневной необходимостью, способом поддержания организма — в праздничных застольях нет ни смысла, ни особой нужды. Остается как лишний повод пообщаться, что-то делать вместе помимо производственной рутины. Когда не станет противопоставления будней и праздников, найдутся для этого собственно человеческие, разумные способы.

* * *

Государство делает все возможное, чтобы испортить людям жизнь. Люди вынуждены защищаться, изобретая новые организационно-технические решения.

Так свинство чиновников движет прогресс.

* * *

В земных условиях разум должен был зародиться на суше. Есть какой-то оптимум времени рефлексии по отношению к размерам системы. Так, в океане велико сопротивление среды — все происходит слишком медленно. То же самое можно сказать о звездной плазме или об атмосферах больших планет. Наоборот, в открытом космосе — слишком просторно, расстояния велики даже для космических скоростей, и всегда найдется что-нибудь в промежутке, чтобы разрушить чересчур опосредованную связь. Точно так же, где-нибудь на Марсе среда не является достаточно «связной» для надстраивания высших уровней рефлексии — необходимые условия придется привнести извне.

* * *

Искусство искусства? Наука науки? Философия философии?

Нет, рефлексия не сводится к интроспекции: чтобы постичь себя, человек отказывается от себя, превращает себя в объект — нечто иное, отличное от субъекта, хотя и хранящее следы его деятельности. В частности, философия представлена философствованием — которое можно поднять до уровня искусства, превратить в науку (учить и учиться), сделать одним из истоков мудрости. Наука изучает себя как особенное, исследует примеры научности. Искусство внутри единичных искусств. Чтобы свести все воедино — надо выйти за рамки рефлексии, в область практики, предметно-созидательного труда.

* * *

История — это не только прошлое, но и будущее: ее не только узнают, но и творят. Это всеобщий продукт человеческой деятельности. Чем разумнее человек — тем шире его историческое поле, его настоящее как единство прошлого и будущего. Человек разумный становится современником и отдаленных предков, и дальних потомков.

* * *

В отличие от художника или ученого, философ не имеет права действовать по наитию, искать на ощупь, чего-нибудь, когда всякая находка в строку. Философ точно знает, зачем он взялся за дело и куда должен прийти. Если не получается — мудрости не хватило...

Наивность часто на пользу искусству и науке — но губительна в философии, где каждый в ответе за все.

* * *

Логика среднестатистических: если мы нашли нечто в доисторических останках — значит, оно было достаточно распространено, чтобы оставить след. Простой экспоненциальный закон принимается для распада любых структур, сглаживания любых отклонений от фона — плюс почтительный реверанс в сторону термодинамики...

Но почему, собственно, разные уровни иерархии обязаны подчиняться одним и тем же навязчивым законам? Что верно для неживого — вовсе не факт для жизни, и тем более для разума, который вовсе не сводится к биологии.

Принимая власть энтропии, мы обманываемся дважды.

Во-первых, этот мир никоим образом не однороден и не изотропен. Точно так же, как одно время отличается от другого — и экспоненциальный декаданс характеризует лишь эпохи застоя. На деле — в одних условиях лучше сохраняется одно, в других другое. Если чего-то где-то не нашли, это не значит, что его там не было —

просто оно хуже сохранилось. Если чего-то где-то больше — это не значит, что вот он, центр Вселенной; просто там оно больше заметно.

Но важнее всего — что мир есть прежде всего созидание, и лишь во вторую очередь распад. Пока ничего нет — и распадаться нечему. Следовательно, флуктуации не рассасываются без следа, странности не забываются, случайное следует собственной логике, порождая не все подряд, а то, что предпочтительнее в данных обстоятельствах. Сами эти обстоятельства — неотъемлемая часть каждой вещи, и если она возникла — мир позаботится, чтобы она была.

Например, человеческие останки древностью в несколько сотен тысяч лет обнаруживают явные признаки уродств и физиологических аномалий, развивавшихся на протяжении многих лет. Научная сенсация: оказывается, наши предки уже тогда умели заботиться о сородичах, которые в биологическом плане контрадаптивны и не могли бы выжить без поддержки... По статистике, раз мы нашли один такой экземпляр — это было достаточно распространено, и можно судить о культуре в целом.

Господа-ученые самозабвенно урылись в далекое прошлое — и не умеют просто посмотреть вокруг, снизить до нашей сермяжной повседневности... Или хотя бы стихи почитать:

Я живу у железной дороги,
где так много бродячих собак:
там у многих отрезаны ноги,
и с хвостами чего-то не так...

В переводе на академический жаргон: при определенных условиях неприспособленные особи могут жить достаточно долго, даже при отсутствии какой-либо общественной поддержки. Условия эти включают, например, относительную доступность пищи и наличие вакантных укрытий. То есть, иногда, вместо активной борьбы за существование, вполне достаточно экстенсивно осваивать богатую ресурсами среду. Именно так развиваются пресноводные и морские экосистемы. Так же ведут себя и людишки: рыба ищет где глубже, а человек — где лучше.

То есть, вывод об общественности троглодитов, вероятно, выдает желаемое за действительное, а на самом деле речь идет об особых условиях существования человекообразных приматов в определенном регионе в определенную эпоху. Следуя той же статистической логике, можно считать, что возможность таких условий — не аномалия, а совершенно нормальное явление, и следует ожидать аналогичных находок и в других местах.

А это уже совсем другая теория эволюции, основанная не (только) на приспособлениях и борьбе за существование, но и на неизбежности своего рода «окон развития», объективной необходимости эпох благоприятствования, катализаторов видовой изменчивости.

* * *

Философия испытывает веру сомнением — и приходит к убеждениям.

* * *

Мастера искусства — вовсе не обязательно большие теоретики искусства. Великие ученые могут ничего не смыслить в методологии науки. Изнутри, они не смогут увидеть ничего кроме искусства или науки. Но как только художник или ученый пытается посмотреть на свою область со стороны, он покидает эту область и углубляется в царство философии — поэтому и судить эту новую для него деятельность следует по меркам философии, забывая о прежних заслугах.

* * *

Допустимо подводить частности под общую идею — но ни в коем случае не выводить их из нее. Да, мы на каждом шагу замечаем, что у вещей есть нечто общее. И даже можем как-то это назвать — но ничего другого за общей идеей не стоит. Всегда найдется вещь иной природы, и понадобятся новые идеи, другие основания для унификации.

* * *

У современного человека складывается стойкое ощущение, что все перемены — только к худшему. Любые новшества вызывают лавину изменений, зачастую весьма болезненных, иногда смертельно опасных. В любом случае приходится снова и снова выискивать точку хотя бы относительного равновесия, заново отгораживаться от мерзкого хаоса. Все силы уходят на восстановление утраченного, а на творчество времени уже нет.

Если очень пристально глядеть, отдельные положительные сдвиги все-таки усматриваются. Пусть даже нет явного результата — обнадеживают даже безуспешные попытки до чего-то дорасти, вылезти из грязи. Но чтобы заметить эти блески в потоке дерьма, надо уж очень от многого абстрагироваться, приучиться закрывать глаза на всякую гадость — а это уродует дух, превращает его в бездуховность. Находки обесцениваются, прогресс вновь оборачивается собственной противоположностью.

Но история утроена так, что эти крохи не умирают навек, они постепенно накапливаются — и вдруг оказывается, что куда-то мы все же приползли, и таки не все в нас от животности. Направленность развития — закон природы; поэтому эфемерности духа оказываются прочнее, долговечнее косной материи. Вероятно, когда-нибудь исторический процесс перестанет быть игрой стихий, станет не только направленным, но и целесообразным. Тогда его свершения не затеряются в горечи потерь, и не будет тягостно от перемен.

* * *

Монгольское нашествие на Русь обычно преподносят как волну варварства, как разрушение великой цивилизации. Точно так же воспринимали римляне конец империи; точно так же и византийцы страдали от диких славян. Такова психология эпох великого переселения.

Но грубая сила способна принести лишь временный успех: удачный набег не завершится завоеванием, захватом, освоением, если культура

захватчика не привносит в уклад жизни покоренных народов нечто передовое, отвечающее насущным задачам их собственного развития.

Дикости хватало и русских, и у монголо-татар. Но, прежде чем воевать с русскими, монголы прошли всю Азию — и несли они на Русь не только остатки языческих традиций, но и новейшие достижения всех азиатских цивилизаций (китайцев, индусов, арабов). Передовые технологии, организационные структуры, методы управления... Все это настолько вошло в плоть и кровь, что воспринимается как исконно русское, свое родное. С удивлением обнаруживая культурное родство, современные историки начинают бредить абстракциями, возводить все народы к доисторическому якобы совершенству.

В простонародье великое легко становится смешным. Например, математические познания азиатов (вспомним того же Омара Хайяма, с его теорией кубических уравнений) диким россам казались чистой воды колдовством, и тюркское «сыфыр» стало заклинанием бабы-Яги: «Чуфыр, чуфыр!»

* * *

Кодекс чести — всего лишь следование ритуалу, а ритуалы нужны там, где не хватает разума.

Самураи были заурядными наемниками. Это профессиональные солдаты, которым все равно, кого убивать. Лишь бы платили. Боялись их и те, против кого они воевали, и те, на кого они работали. То же и сейчас: в политике, в преступном мире, в бизнесе...

* * *

Невозможно сохранить все без исключения. Поддержание уже созданного требует не меньше усилий, чем само строительство, причем с каждым годом ремонт обходится все дороже, и не всегда удается в точности воспроизвести старинные технологии — иногда по сугубо этическим соображениям.

Дикая природа в этом отношении совершенно беспечна: ее не заботят утраты, ей все равно, что придет на смену. Человеку приходится выбирать, что из прошлого нужнее сегодня, что напоминает ему о будущем. Остальное приходится забывать. Бесконечность памяти — возможность заглянуть за горизонт, перерастить границы собственной истории.

* * *

Разум — это прежде всего универсальность. Он соединяет то, что в природе несоединимо. Когда мы говорим об атомах (об элементарных частицах, о молекулах, о генах или вирусах), мы представляем микроскопические объекты иерархией макроскопических: наши громоздкие экспериментальные установки, промышленные реакторы и вычислительные комплексы делают невидимое глазу легко обозримым; тексты и формулы намного крупнее протонов — и намного мельче галактик. Мы приводим Вселенную к человеческим масштабам.

Поскольку наши изобретения выстраивают естественные процессы несвойственным для них образом, поскольку мы можем препоручить наши заботы машинам, — процесс связывания уровней мира становится отчасти природным (хотя возможен он только во «второй природе», в культуре). Обратное, миниатюризация техники выводит макроскопические объекты из области непосредственно обозримого, встраивает деятельность в природу как ее собственный процесс, и человек «выпадает» из движения вещей, его вмешательство снимается в строении природы.

* * *

Исходная идея гегелевской логики — преодоление метафизичности традиционной философии (а заодно и новорожденной науки), грезящей о вечных и неизменных сущностях. Гегель сразу во всеуслышание заявляет: всякая вещь возникает и исчезает, приходит из небытия, становится собой, и не умирает целиком, поскольку

будущее снимает ее бытие и небытие в новой определенности. Но если все это относить только к познанию, представлять себе как чисто субъективный процесс, мы опять вляпываемся в грубейшую метафизику: получается, что нечто возникает из ничего. А начинать надо не с «ничто» (как у Гегеля), а с другого «нечто» — и тогда становление оказывается не возникновением, а *превращением* (которое, конечно же, содержит возникновение в качестве одного из своих моментов — но только одного из).

* * *

Судьба человеческих творений — становиться умнее человека. А всякая философия — мудрее своих создателей.

* * *

Мистически настроенные почитатели восточной мудрости (равно как и нынешние толкователи европейской античности) пытаются усмотреть в старинных текстах больше глубины, чем там в действительности есть. Например, высшая конфуцианская добродетель, *жэнь* (仁) в переводах приобретает мистический оттенок, обрастая многочисленными коннотациями: уважение, великодушия, доброты, серьезность, искренность — и вообще, любовь к ближнему и забота о людях. Здесь простор для псевдоученых фантазий: обсуждают моральный, психологический, этический, метафизический аспекты... Но стоит посмотреть на иероглиф (и вслушаться в звучание) — становится ясно, что речь идет об очень простой вещи: отношение к другому как равному себе, включая не только отношения между людьми, но и очеловеченную природу. В конфуцианстве (и его буржуазных апологиях) это вырождается в пошлый императив: мерять других по себе. А речь идет не о том, чтобы навязывать себя миру — а о том, чтобы принимать мир таким, как он есть, даже если он не желает, чтобы к нему относились по канонам чьей-то якобы вечной морали. Разум — не первобытный анимизм и антропоморфизм; разум прежде всего задается вопросом о месте человека в реальном мире — выясняет, насколько он достоин

этого мира. Поначалу пытаемся Вселенную мерить собой — потом учимся себя соизмерять с бесконечностью и вечностью.

Собственно, это и называется «разумность». В классовом обществе равенство принципиально недостижимо, и его подменяют противоположностью: господа диктуют господские правила, и называют это «человечностью», «гуманизмом»... Другой — существо низшее (лишь подобие меня), и любовь к таким не вырастает выше пошлой жалости, и строить совместную жизнь можно только в рамках долга. *Лунь Юй* призывает, например, вести войну гуманно, по правилам, — и для современного обывателя, привыкшего к военным зверствам, даже это звучит как откровение. Но разум не может этим ограничиться: мудрый знает, что все хорошо на своем месте и в свое время, и сколь угодно правильные установления когда-то превращаются в свою противоположность. Здесь Конфуций попадает в самую точку: «Мудрый любит воду. Добронравный наслаждается горами». Всякая гуманность относительна, она существует только в определенных культурных условиях, и только по отношению к ним. Полагаться на внешнюю незыблемость — недостойно мудреца.

Когда нам предлагают относиться к другому как к самому себе, не желать и не делать ему того, чего не хочешь себе, — это как если бы птица (из чистейших побуждений) попыталась кормить людей мухами и червями. Другой может быть в чем-то на нас похож — но он все-таки другой, и предлагать ему следует то, что *ему* требуется, и чего *он* достоин.

* * *

У модных философов постоянные проблемы с отделением формы от содержания. Пропитанные позитивизмом, они отказываются признавать что-либо кроме видимости. Кто крикает — тот и утка. Утиная философия, благодаря которой охотники могут подманивать добычу.

В области морали — преувеличение роли этикета, формального следования обычаю. Эдакое духовное средневековье. Если господа

запрещают рабам именовать себя в прошениях рабами и холопами — самого факта рабства это никак не отменяет. Равенство по закону — извращенная форма неравенства.

Всякий знает: слова не следует воспринимать буквально, надо еще догадаться, что имеют в виду. Так, фраза «Я к Вашим услугам» — далеко не всегда выражение учтивости; на дуэли это, скорее, угроза. Точно так же «Слуга покорный!» — отнюдь не маска раболепия, а форма резкого отказа (= «Нет, уж, дудки!»). Преувеличенная любезность становится издевательством. Наукообразие — прикрывает дыры в научности. Искусность — вместо художественности. Мудрствование — когда не хватает мудрости.

* * *

Логика — не наука, и никакое образование не заставит человека вести себя логично. Тем более логика не то, что преподают под этим именем в школах и университетах. Нас учат изображать логику — как актера учат изображать страсти, которых он на самом деле не испытывает. Разумеется, труд в коллективе требует согласованности действий — и воспитывает логичность. Но меняется характер труда — и нужна иная логика, и внутренняя готовность ее искать.

* * *

Всякая абстракция есть очень приблизительное, грубое, поверхностное описание реальности. Жизнь богаче любых абстракций. Эффективны абстракции только там, где собственно жизни уже нет — где она застыла в догмах и предрассудках.

* * *

Говорят, что компьютер отличается от человека тем, что работает по программе, и его поведение предсказуемо... Дескать, домашние животные лучше домашних роботов, поскольку они умеют как-то вести себя, проявлять свою индивидуальность — и человек учится

быть общественным существом. Рассуждение, как минимум, странное: с одной стороны, для обывателя компьютер еще менее предсказуем, чем собака или кошка, а с другой — классовое общество на каждом шагу превращает людей в роботов, в говорящие орудия... То, что живые существа или неживые предметы могут быть частью чего-то разумного, — зомбированному филистеру не понять. Но, скажем, протез — когда он служит разуму — может быть не менее живым, чем органические приспособления. Компьютер — лишь расширяет возможности мозга, как лопата или экскаватор расширяют возможности рук. Наши вещи — часть нашего тела, и неважно, из чего они сделаны. В конечном итоге без органической начинки где-то вполне можно обойтись.

* * *

Человек — не кусок мяса. Мясо едят. С человеком можно общаться.

* * *

Книги можно читать по-разному. Большинству достаточно ознакомиться, получить общее представление, выхватить пару ярких фраз, — а вдаваться в детали вовсе не обязательно. Только специалисту литературоведу интересны стилистические тонкости.

Точно так же наука внутри себя не знает мелочей — но для остального мира важны лишь ее выводы, те правила, по которым будут жить люди, далекие не только от этой науки, но и от науки как таковой.

* * *

Духовные достижения философского идеализма связаны с тем простым фактом, что не бывает образа без отображаемого, и никакая абстракция не вырастает из ничего. Как бы ни тщились господа-абстракционисты изобрести нечто совершенно фантастическое, их фантазия никогда не пойдет дальше идеализации жизненных

обстоятельств и житейских соображений (при этом объективный идеализм упирает на обстоятельства, субъективный — на соображения). Говоря о вечном и божественном, идеалист всего лишь откликается на злобу дня. Только осознание реальности происходящего дает возможность соотнести наши размышления с практическими поводами — а значит, можно ставить вопрос о том, чего в мире не хватает, и что следовало бы добавить к нему творческим трудом. Фантазия материалиста всегда в развитии — и потому она бесконечно богаче любых идеалистических вывертов.

* * *

Отношение человека к миру есть прежде всего практическое отношение. Разум на то и нужен, чтобы мир мог измениться так, как он никогда не смог бы измениться без разума, *an sich*. Ничто не приходит навсегда. В неживой природе — преобладание разрушения, распада (пресловутый рост энтропии). Живое — акцент на сохранении, «выживание». Сознание появляется для того, чтобы на первый план вышло созидание, творчество.

Глупо «охранять» природу, пытаясь остановить мгновение, устранить всякую изменчивость. Человеку незачем сохранять природные экосистемы — наоборот, он должен создавать экосистемы более высокого уровня, в которых живая и неживая природа вписана в контекст человеческой (сознательной) деятельности. Этому непросто научиться, и наши ошибки — наследие животного происхождения. Но надо что-то делать, и ошибаться, — и не исправлять ошибки, а идти дальше, к новым горизонтам.

Точно так же, человек не имеет права беречь себя. Разнообразие культур для него — лишь отблеск единой культуры; местные обычаи могут вызывать лишь абстрактно-познавательный интерес, а суть — в преодолении дикости. Чтобы стать выражением разума всех — надо представлять прежде всего себя. В частности, человек не обязан ничего «соблюдать» — ни дома, ни в гостях... Достаточно вести себя разумно, по возможности не стесняя других (а в пределе, вообще не обременяя кого бы то ни было личным присутствием). Если

приходится путешествовать, если надо в какой-то мере приобщиться к иной культуре (включая наследие прошлого), вовсе не обязательно во всем с ней соглашаться, принимать ее целиком. Не быть всеядным. Оставаться собой — в новом окружении открывать в себе новое.

Есть культурные явления, которые вовсе не обязательно сохранять и оберегать. Достаточно изучить, осмыслить, оставить подробное описание... Чтобы не наступать на грабли еще раз.

* * *

Сознание, по определению, есть отношение между людьми в ходе совместной деятельности. Пока есть сознание — человек не умер. Нет совместной деятельности — труп, несмотря на физиологию.

* * *

Возрастание энтропии в замкнутой системе — философский принцип, принимающий в физике одну из частных форм. По сути дела, это определение неживого: равновесие, переход к полному покою. Живое, в отличие от неживого, умеет поддерживать движение — и восстанавливать утраченное за счет притока ресурсов извне; ограничение ареала в итоге оказывается губительным. Разум — не просто сохраняет достигнутое, но и стремится к новым достижениям: лишить людей творчества — значит, навязать им скотское существование; несвобода — всегда смерть.

* * *

В любой фантазии отражен кусочек реальности. Но иногда вовсе не то, о чем мы фантазируем.

* * *

Орудия труда навязывают человеку соответствующие способы действия. Производство орудий труда поэтому оказывается

изначально материальным выражением воспроизводства человека. Но следующий шаг — освободиться от власти собственных орудий. Только тогда человек станет по-настоящему разумным.

* * *

Интеллект — умение решать задачи. Разум — способность их ставить.

* * *

Что бы ни воображали себе ученые, наука будет развиваться в соответствии с объективными принципами — в том направлении, в котором развивается мир. Вопрос лишь в том, чтобы уметь эти принципы усмотреть и использовать в работе — а не тратить силы на преодоление непреодолимого.

* * *

Человечество едино. История человечества в целом объективно переходит с одного уровня на другой — но именно в силу единства отдельные нации могут «пропускать» какие-то этапы, ибо незачем повторять то, что уже исторически пройдено. Точно так же развитие личности не обязано наступать на старые грабли, есть чужой опыт — и возможно свернутое усвоение общественно достигнутого. То же самое в биологии: жизнедеятельность организмов изменяет среду, но дальнейшая эволюция определяется уже не внутренними факторами, а средой. Игра стихий не диктует объективную необходимость, а лишь открывает возможности. Природа становится частью истории — когда ее делают историей.

* * *

Для разумных существ словосочетание «хороший человек» — полная бессмыслица. Они не противопоставляют одно другому, не делят мир на свое и чужое, — они осваивают все.

* * *

Теорема, в буквальном переводе, — всего лишь усмотрение...

* * *

Искусство, наука, философия... Что? — как? — почему? Но главный вопрос: зачем? Отсюда всевозможные «что», «как» и «почему» — и больше ни для чего они не нужны.

* * *

Сохранять виды = убивать жизнь. Видовая изменчивость — другая сторона одушевленности; жизнь без эволюции невозможна.

* * *

Почему возникает производство орудий труда? Очевидно, для этого орудие должно стать общественным явлением: его использование становится массовым, регулярным, культурно обусловленным. Обезьяны широко используют орудия, умеют их изготавливать... Но нет собственно труда — и потому и орудия животных — еще не орудия труда. Животным не нужно орудие как таковое — они интересуются только последствиями его применения. Сделано — забыто. И каждый раз все начинается заново.

У людей орудие — знак деятельности, возможность передать от одного другому, и даже из поколения в поколение. Зачатки языка.

* * *

Логически, общество овнешняет физиологические механизмы поддержания жизни. Отсюда появление разного рода общественных органов. Тем самым каждый член общества освобождается от животности — но лишь частично, по мере включения в стадо. Подлинная разумность возникает там, где общество больше, чем организм, — коллективный субъект.

* * *

Молодости свойственно удивляться простым вещам. Тех кто сохранил эту привычку до седин называют философами.

* * *

Наука об искусстве совсем не то же самое что эстетика как аспект философии. Наука об обществе отличается от этики. Логика как наука отличается от гносеологии. Взаимодополнение, разные уровни и аспекты. В конечном счете, речь идет о едином мире.

* * *

Мудрость не в том, чтобы указать правильный путь. Важно дать собеседнику понять, что он, как минимум, достоин лучшего.

* * *

«Кто я?» и «Что есть мир?» — это не духовные, а сугубо практические вопросы. Важно не то, что дано и достигнуто, а то, что предстоит совершить. Творить, а не медитировать.

* * *

Споры вообще занятие бестолковое. А спорить с идеалистами — совершеннейшая глупость и напрасная трата времен. Излюбленный трюк идеалиста — подмена понятий, на каждом шагу, по многу раз в рамках того же рассуждения. Что бы мы ни возразили — это легко списать на недопонимание.

Борьба с идеализмом — вне философии. Это вопрос революционной практики. Послать Юма в шахту — и пусть дает норму на-гора. Разумеется, жить ему при этом не в особняке, и питаться не в ресторанах. Тогда пусть рассуждает как угодно — после смены.

Если идеалисту за объявление собеседника чистым вымыслом и комбинацией впечатлений каждый раз давать по морде, этот способ

мышления быстро выйдет у него из привычки. А пока за глупые бредни хорошо платят — идеализм процветает.

* * *

Чтобы чего-то добиться, надо прежде всего ввязаться в дело — а дальше реагировать по обстоятельствам. Примериваться и ужасаться сложности — никогда ничего не сдвинешь.

Правильная наука — умеет указать доступные направления, с ходу предложить пару-тройку возможных решений. Потом все равно пойдет не по науке, и придется подправлять на глаз.

* * *

Точные расчеты и протоколы — не для людей. Это надо лишь для того, чтобы одна машина могла взаимодействовать с другой. Людям нужны не детали наличного бытия, а возможность подстраивать мир под себя, в любой момент менять ход событий, если что-то идет не так. Способы действия, а не прогнозы.

* * *

Прокл: только в акте познания мы можем познать саму способность познания.

Иначе: возможность действия — только в действии. Поскольку же действие предполагает возможность, мы приходим к знаменитой гегелевской формуле: все действительное разумно, все разумное действительно.

* * *

Убогое понимание причинности вплоть до XIX века (и даже в начале века двадцатого) способствовало популярности позитивизма — чисто психологически, из чувства протеста.

Вульгарный материалист уверен: есть нечто, вызывающее другое нечто; и то, и другое материально. Отсюда терминология: «действие и причина» — где «причина» есть «причиненное», сделанное кем-то (будет это абстрактно материальная природа или бог — все равно). Живуч первобытный анимизм, проекция человеческой деятельности на мир в целом, живой и неживой.

Но суть-то как раз в том, что лишь на уровне разума причинность получает материальное воплощение в действующем субъекте. Ничего подобного в неживой материи: имеется последовательность событий, а причинность — ее скрытый закон, идеальная форма движения. Причина как связь вещей, а не вещь. Аналогично в мире живого: метаболизм. Идеальность связи живо напоминает нам о субъекте — но предпосылка субъективности, а не субъект.

Попытка «овеществить» причину, связать ее с конкретными телами — путь к мистике, к идеализму, к религии.

* * *

Любовь к мудрости — как юношеские мечты о любви: недостижимый идеал важнее всего, что может быть дано.

* * *

Эстетика, логика, этика — субъективные аналоги природной причинности. Предполагается, что действие из чего-то вытекает, на чем-то основано. Но такое видение — только в рефлексии. Деятельность как практика — не нуждается в оправданиях, она содержит их в себе и для себя.

* * *

Сколько у вас в прошлом — настолько вы можете заглядывать в будущее. Не в физическом, а в культурно-историческом времени. Хотя, возможно, и у квантованных полей тот же закон.

* * *

Электрон (или атом) существует здесь и сейчас. Даже если точка сколь угодно сложно устроена. Для животного уже есть прошлое и будущее — но диффузно, как возможность. Только человек может спросить: когда? Ему есть, с чем сравнивать.

* * *

Не уметь остановиться — застыть в движении. Регулярность изменения — устраняет (снимает) его. Слишком резкий поворот убивает. Плавно и неторопливо — не догнать цели.

Везде своя мера. И переход в свою противоположность.

* * *

Прокл:

Но если оно сохраняет свою благодать,
то будет сохранять и свое бытие.

Великолепный, материалистический афоризм. Пока нечто осмысленно и невосполнимо — оно будет существовать в культуре, при всей подвижности форм. Уходит то, что изжило себя. Остается след.

* * *

Популяризация — противоположна вульгаризации. Когда знания пытаются преподнести в игровой форме — это может быть полезно; однако преувеличенная игровость обесценивает знание, сводит жизнь к игре.

То же в искусстве: мода, понятность и занимательность — выводят за грань искусства, убивают все живое.

Что уж говорить о философии! — тут сплошь опошление... Штампы, цитаты, анекдоты...

Кому это выгодно?

* * *

Выделение эстетики, логики и этики как философских дисциплин во многом напоминает схему фундаментальных уровней рефлексии:

существование → жизнь → деятельность

Так и должно быть, поскольку уровни философии есть другое (субъективное) выражение тех же всеобщих сторон мира. Этика в таком контексте — наиболее деятельная сторона философии, имеющая непосредственный выход в практику. Именно здесь соединяются все стороны философствования, образуя такие мысли, которые непосредственно становятся действием.

* * *

Теоретическое отношение к миру обнаруживает множество противоречий — разрешения этих противоречий возможно только в практике.

* * *

Философия едина. Однако существует она в таких формах, которые обусловлены уровнем развития человечества. В классовых обществах философия выглядит борьбой различных философских направлений и школ. Сколько будет этих школ и какими они будут — зависит от исторически сложившихся форм общественного устройства. Но пока есть антагонизм классов — останется и философское противостояние: материализм vs. идеализм.

Философия — только одна. Любое учение, не лишенное глубины, — отличается философской нетерпимостью, не приемлет компромиссов ни с кем и ни с чем. Как только философия перестает быть воинствующей, она умирает как философия.

С другой стороны, воинствующей бывает и глупость — как обратная сторона мудрости. Поскольку даже семи пядей во лбу может не хватить для осознания собственных заблуждений, самые выдающиеся мудрецы вполне способны превратиться в злобных неучей, в

зародыше подавляющих всякое проявление свободомыслия... Философия переживает своих создателей; мудрость уходит от них — подобно тому, как вянет красота, лишенная заботы и ухода.

Выставлять глупость на всеобщее обозрение ради осознания необходимости ее искоренять — единственно возможный способ существования мудрости. Но и ее печальные последствия тоже не стоит сбрасывать со счетов.

Простое правило: если кто-то против тебя — значит, в чем-то ты не прав.

* * *

Рефлексия невозможна вне исторически обусловленных форм. Как бы ни старались мы творить для всех и на все времена — наши находки живы, пока остается где-нибудь породивший нас способ деятельности. Однако это вовсе не означает, что содержание творчества привязано к одной эпохе и нет в нем ничего всеобщего. Наоборот, именно причастность вечности делает искусство искусством, науку наукой, философию философией. Следовательно, в классовом обществе, — при сохранении классовых корней, — рефлексия становится творческой лишь после освобождения, «очищения» от классовой определенности.

* * *

Даже выражая передовые взгляды, классовая философия остается ограниченной, несет на себе печать идеологии соответствующего класса. Можно изумиться чьей-то мудрости — но свою мудрость придется искать самому.

* * *

По-видимому, окончательное вытеснение капитализма (и классовой общественной организации как таковой) может произойти только тогда, когда человек преодолеет зависимость от биологического тела,

научится сознательно воспроизводить себя, и при необходимости меняться физически, физиологически и духовно.

* * *

Философия воспитывает умение задавать вопросы. А правильно поставленный вопрос — уже решение. Разглядеть проблему в путанице житейских обстоятельств — дело не самое простое. Для искусства — любое лыко в строку. В науке всякий порядок одинаково хорош. Мудрость выделяет главное — чтобы в настоящем усмотреть проблеск будущего.

* * *

Кто виноват и что делать — два главнейших вопроса: о причине существующего положения дел и о том, как исправить сделанное криво. Одно немислимо без другого. Чем дальше в прошлое — тем ближе будущее.

* * *

Всеобщее помешательство на публичности. Эксгибиционизм. Быть на виду — или хотя бы на устах. Засветиться любой ценой.

Будущее — за неизвестностью. Не ради славы, а ради себя = ради мира.

Другая сторона той же болезни — стремление «поддерживать идентичность», отличаться от других, быть узнаваемым...

А для разума важно общечеловеческое.

На фоне достаточно высоких стандартов комфортной жизни — привлекает местный колорит.

Разумеется, любая унификация хороша в пределах разумности. Но коли уж довелось до чего-то дорасти — совершенно без разницы, кто именно это делал и с какой целью. Просто присутствие в культуре.

* * *

Всякая борьба — ради перераспределения общественного богатства. Отнять у одних, отдать другим. Изначально противопоставляя тех и этих.

Когда мы боремся за права женщин — мы их отделяем от остального человечества. Боремся за права негров — значит не считаем их людьми.

Надо бы не бороться, а созидать. Строить общество, в котором нет нужды ненавидеть друг друга.

* * *

Первобытные люди верили: если что-то происходит — кто-нибудь должен это делать. Ничто не появляется само по себе: за всякой полезностью — упорный труд.

Современный обыватель — полная противоположность: результаты труда других воспринимают как нечто само собой разумеющееся, естественное... Стихия.

Как тогда понимать и уважать других?

* * *

Философ не говорит о различиях.

* * *

Учиться можно по-разному. Кто-то впитывает что дают. Другой — ставит вопрос и добивается ответа.

* * *

У разума нет национальности, или пола. Нет возраста, нет судьбы. Нет пользы. Даже разумности нет. Разум — не обладание.

* * *

Чтобы заниматься музыкой, кроме таланта и желания, нужен свободный доступ к инструментам, место для занятий, и много свободного времени. Если студент консерватории будет по ночам разгружать вагоны, чтобы заработать на жизнь, классного скрипача из него однозначно не получится. Точно так же, шофер-дальнобойщик, вероятно, может стать поэтом, — но с балетом это несовместимо. В конце концов, даже поэзия — не для всех: нужно много читать, знать, думать, чувствовать... После тяжелого дня — тяжело.

Классовое неравенство вырастает в общество системой разделения труда. Мы все зависим один от другого — и не можем не быть собой.

Это не истребить полицейскими мерами: уничтожим в одном месте — будем не равны в другом. От безвыходности, от нищеты, — гордимся собственной уникальностью.

В СССР пытались приобщить массы к знаниям, одно неравенство компенсировать другим: преимущества для рабочих и крестьян при поступлении в вузы. Но кривое на кривом — вдвое больше кривости. Появилась прослойка неприкасаемых «рабфаковцев» — отчислить которых нельзя, и надо вытягивать всеми правдами и неправдами... Конечно, кто-то вырос из дикости. Но это единицы — и ценой упущенных возможностей для десятков несостоявшихся надежд.

Если я буду музицировать в городской квартире на горе соседям, если я перестану работать руками и с головой уйду в стихи, — никакие общественные заслуги не восстановят утраченной чести. Да, мир неудобен для разума. Но даже черная совесть — может сделать его хоть капельку светлей.

* * *

Когда компьютеры научатся в совершенстве имитировать внешность и поведение людей, — это мошенничество, обман? В условиях товарного производства — несомненно, так и будет. Один из способов присвоить чужое, ограбить, отнять. В извращенной форме — унижить и уничтожить, подставить под удар.

Разумные существа заботятся о том, что нужно сделать, а не о том, кто именно это сделает. В их труде «для себя» — не «ради себя», а «для всех вместе», и в итоге — в интересах каждого. Здесь нет авторства и приоритетов, зависти и соперничества: если вместо меня работу выполнит робот — мои интересы никак не будут ущемлены; если нет возможности получить сейчас — получится в другой раз. Пусть кто угодно прячется за моей внешностью — я понимаю, что это нужно для общего дела, а другие не перепутают настоящего меня с пустой картинкой, сколь угодно правдоподобной.

* * *

«Интернет вещей» — это когда люди становятся вещами...

* * *

Общеизвестно, что животным совершенно безразличны те клички, которые им дают хозяева. Даже если животное и откликается — то не на кличку, а на определенную интонацию.

Точно так же, природе нет дела до того, как мы что-то в ней назовем. Роза пахнет не розой — а собой, как ее ни называй.

И рядом — мистицизм имени у людей. Древнейшие предрассудки. Когда мы узнаем о ком-то, первым делом спрашиваем: кто это? — в смысле: как его зовут? Документы невозможны без имен; подпись — почти всегда образ имени. Отказаться от имени, заменить его другим, практически невозможно: не только по бюрократическим причинам, но также из подсознательного опасения потерять себя. Даже если имя дурное — продолжают с ним жить.

Однако, по большому счету, человеку совершенно все равно, как его зовут. Имя и фамилия ничем не лучше порядкового номера, клички, прозвища, интернет-псевдонима.

Имена — не просто выражение общественной природы человека; это знак определенного типа общественного устройства — классовой экономики. Древнейшие схемы именования следуют за строением

общества. Типичный вариант: имя собственное + имя рода + кличка. Древний Рим формально закрепляет эту схему (что автоматически выдвигает кличку на первый план); древнекитайские имена следуют тому же традиционному принципу. У древних греков на первый план выходит имя собственное, а в качестве имени рода — название местности; это связано с происхождением системы греческих полисов из родоплеменных отношений: по сути, полис выступает как единое племя, а выведение полиса — разделение племен.

Еще два-три столетия назад имя могло указывать на общественное положение (а кое-где служит этой цели и сейчас). Однако в целом современность давно уже не вписывается в идею «говорящих» имен. Общество устроено слишком сложно, чтобы вместить его строение в сколько-нибудь обозримую схематику. Индивидуальность выходит на первый план, а доступ к кормушке ассоциируется больше с номерами банковских счетов. Остаются ролевые игры, гадания, нумерология... Сегодня даже имена исторических персонажей превращены в условные ярлыки, ссылки на историческую условность.

Так для чего нам сейчас имена?

Все реже и реже наши современники обращаются к другому человеку по имени — как правило, когда надо привлечь внимание или чего-то добиться. Понятно, что персона здесь ни при чем: обыкновенное междометие или местоимение (*эй, ты*) — более чем сгодятся. Тем более несущественны всяческие приставки к именам (традиционные формы обращения, звания или должности). Даже в деловой переписке все чаще отказываются от традиционных формул вежливости. Темп жизни и производственной деятельности воплощается в технологии связи, сплошь и рядом основанные на сжатии данных, устранении избыточности. Вероятно, люди в конце концов привыкнут говорить сразу по делу, не засорять речь шелухой. Конечно, в относительно интимном общении собственно информирование значительной роли не играет, и незачем торопить события — а лучше даже их малость притормозить... Но в такой ситуации и формальные имена — полное ничто. Недалекое будущее окончательно избавится от необходимости подчеркнуть индивидуальность, застолбить место в обществе. Тогда имена просто отомрут за ненадобностью.

* * *

Когда-то телескопы Галилея вызвали бурную дискуссию. Ученые и обыватели просто отказывались верить тому, что невозможно увидеть невооруженным глазом. Оптическая иллюзия, не более.

Сейчас люди не мыслят себя без всяческой оптики — и в очкарики записалось больше половины человечества. Мы знаем, что приборы искажают картинку — но делают это регулярно, закономерно и предсказуемо, а потому не составляет труда ввести необходимые поправки. Человеческий мозг разрушает иллюзии с той же легкостью, с которой он же их создает.

С наступлением компьютерной эры остро встал вопрос об истинности знания, добытого из сырых данных путем компьютерной обработки. Это прямое продолжение все той же старой дискуссии.

Любую картинку можно отфотошопить до неузнаваемости. Публика иной раз может не узнать своего кумира, если встретит его в толпе (хотя такие персонажи в толпе, как правило, не встречаются; отчасти и для того, чтобы избежать подобных конфузов — и сопутствующих моральных травм). Точно так же, изображения космических объектов (в том числе переданные автоматическими зондами) восстановлены из многих фрагментов, полученных в нескольких спектральных областях в разное время с разным освещением; человеческий глаз такого не увидит. Визуализации объектов микромира — вообще сплошная условность.

Ситуация еще сложнее, когда в работу включается искусственный интеллект. Современные реализации зачастую выдают откровенную чушь — но уже сейчас людей приучают верить в разумность подобных «данных» и принимать решения на их основе. Впрочем, даже принятие решений уже автоматизировано: эвристический поиск, компьютерные диагнозы в медицине, автоматически взысканные штрафы... Бюрократа и раньше было трудно переубедить — а сейчас у него есть «железный» аргумент!

Наука все чаще опирается не на дорогостоящий прямой эксперимент, а не компьютерное моделирование, на базе какой-то теоретической

модели, в реалистичность которой мы можем только верить. Как оно было или будет на самом деле — мы не знаем, но постепенно пласты гипотез спрессовываются в твердую породу общепринятых норм и массовых предубеждений. Насколько объективно такое знание? Можем ли мы по-прежнему полагать, что изучаем природу, а не собственные фантазии?

Все зависит от общественных условий, в которых нам приходится использовать компьютерные методы. Там, где требуется обмануть и ограбить — компьютер будет инструментом лжи. Напротив, где надо критически отнестись к накопленному опыту и устранить случайные погрешности и субъективные предпочтения, — фильтрация данных и компьютерная проверка возможных следствий служит поиску истины.

Любые знания опосредованы, и почти все природные воздействия требуется привести к диапазону органов чувств. Животные уже умеют это делать — по совокупности косвенных признаков. Человеческое восприятие опирается еще и на практику материального производства. Но ощущения — отнюдь не источник знаний (как ошибочно полагают позитивисты); ощущения лишь представляют какую-то часть мира одним из возможных способов. Накладывая на эту первичную картину ряд культурно обусловленных фильтров (перцептивных установок), человек приходит к многомерному восприятию объекта, постигает его с разных сторон. Использование инструментов (включая компьютеры) сводится к расширению круга возможных ощущений — но познание все равно относится к чему-то вне нас и направлено на практические нужды. Ощущения не могут ничего сказать о вещах как таковых. Поэтому совершенно неважно, как именно мы будем «кодировать» показания приборов (органических и неорганических рецепторов). Например, удачная визуализация помогает быстро выделять главное в потоке информации: по рисунку на экране осциллографа можно многое сказать об электронном устройстве, а фазовые диаграммы подсказывают перспективные технические решения.

Компьютер, даже самый интеллектуальный, — это всего лишь инструмент. Если мы слепо полагаемся на него, неизбежны иллюзии и горькие разочарования. Трезвая оценка возможностей компьютера — путь к всестороннему познанию и совершенствованию мира.

* * *

Наука о питании — первейшая жизненная необходимость для всех. Если, конечно, это наука — и наука именно о питании. Когда же все сводится к абстрактной нумерологии, политической пропаганде или коммерческим интересам — лучше бы не надо.

Популярное помешательство: высчитывать содержание чего-то в еде, составлять «сбалансированное» меню... Оно и взрослому поперек природы, а когда еще и детей родители натаскивают с малолетства, — это полный маразм. Бедное дитя кормят не тем, что ему нужно по возрасту, физиологии и настроению, а тощими абстракциями, не вызывающими ни малейшего аппетита. Еда без аппетита — заведомо вредна. Как и все, что делается через силу. Но где там! — есть хромая на все ноги теория: дескать, невкусная пища хороша тем, что не дает передать... Вздор. Дайте тому, кого держат на всем невкусном, чего-нибудь повкуснее — и он не сможет удержаться, начнет переедать и толстеть. Равновесие оказывается очень хрупким. Можно ли строить жизнь на таких эфемерностях? Разумное отношение к еде — не даст выбиться из режима даже при значительных отклонениях. Это устойчивая динамика, а не искусственное равновесие.

Чтобы комбинировать числа, надо, как минимум, понимать, откуда они взялись. Иначе нет в этой комбинаторике никакого смысла, и никакой науки. Говорить с умным видом про белки, жиры и углеводы, клетчатку и витамины, может любой идиот. Минимального опыта достаточно, чтобы осознать: точно установить содержание съеденного практически невозможно — ибо зависит это не только от состава исходных продуктов (даже если верить написанному на этикетке), но и от способа приготовления. С другой стороны, усвоение пищи — дело сугубо индивидуальное. Даже у одного человека по-разному в разное время. Что останется внутри — ни один профессор не угадает. Бесконечность параметров, и невозможно контролировать сразу все.

Но это и не нужно! Если все держится на арифметике — грош цена такой диете. Особенно если она невкусная. Вместо калькуляции нужна саморегуляция: чувствовать, чего организму не хватает в данный момент — и выбирать еду соответственно. И детей учить

разумному самоограничению, вниманию к потребностям тела. Тогда без разницы, что мы сейчас съедим: ни переедание, ни расстройство пищеварения не страшны — ибо потом все само собой выправится, войдет в надежное русло. Отступления от режима нужны — чтобы знать о нем и его разумно блюсти. Никто не будет держать людей в стерильных условиях, под колпаком. А не умеющий отрабатывать нештатные нагрузки организм сломается на любой мелочи.

Тот же порочный круг во всех «позитивных» науках: бесконечная «бухгалтерия», попытка дать «полное» описание, контролировать все мелочи... Отсюда мелочная скрупулезность, переживания по поводу «точности» измерений и «строгости» вывода... На практике человеку это ни к чему. Непогрешимых расчетов не бывает. Нам важно принять решение на основании общего впечатления — а потом корректировать по мере развития ситуации.

Искусство и ремесло стоит на тех же законах. Можно нарисовать красивый дом, оборудовать его в проекте по последнему писку фантазии... Но такая идеально совершенная архитектура никогда не угадает практических нужд. Люди потом как-то приспособят ее под себя — разрушат абстрактно-первозданную эстетику ради комфорта. Хороший архитектор дает не готовое решение, а пучок возможностей: недостающие детали будут добавлены в нужном месте в нужный момент.

Научиться не передать легко: достаточно помнить, что не все сводится к еде, если есть другие, не менее увлекательные занятия. Когда же нечем занять себя — никакая диетология не спасет. Проблема переедания, таким образом, оказывается сугубо социальной: далеко не всем открыты пути к полноценной жизни. Вынужденные (не только финансовые) ограничения уродуют психику, заставляют искать хотя бы иллюзорной отдушины. Если мне очень чего-то не хочется — я найду тысячу поводов откосить. Еда — самое простое. И не худший из наркотиков. Но бороться надо не с наркотой, а с обществом, которому больше нечего людям предложить.

Точно так же преодолевается профессиональный кретинизм в науке: чтобы не допустить чрезмерных обобщений, избавиться от парадоксов

и противоречий, надо всего лишь помнить, что мы имеем дело лишь с малой частью мира, — и полезно иногда приглядываться к другим наукам (и не только наукам), перенимать полезные привычки и дарить что-нибудь от себя.

* * *

Тело — одна из многих вещей, которыми человеку надо разумно распоряжаться.

* * *

Буржуазная история — история войн, катастроф, интриг и заговоров, переворотов... История смерти.

А нужна живая история развития — вопреки мерзостям бытия.

* * *

Самореферентные высказывания доказывают что угодно:

Если это утверждение истинно,
то никакой логики вообще не существует.

Строго истинное утверждение в формально-логическом плане. Но не в классической логике, где не принято абстрагироваться от содержания.

* * *

Забавно, что почти все мои философские идеи были так или иначе высказаны К. Марксом и Ф. Энгельсом (ну, что-то еще у Ленина...) — но обнаруживал я это, как правило, уже после того, как доходил до них своим умом и успевал потешить самолюбие созерцанием собственной уникальности. С одной стороны, конечно, обидно, что ничего существенного я так и не изобрел, и мой личный вклад в разумность человечества остался на нуле; однако приятно хотя бы, что независимое открытие уже известного подтверждает верность общего

направления и внутреннюю согласованность круга идей. Да, я не гений. Но таки и не совсем дурак...

* * *

И на старуху бывает проруха... Вот, в советской школе все читали у Ленина [*Три источника и три составные части марксизма*, 23, 44]:

Философия Маркса есть законченный философский материализм [...]

То есть: материализм закончился — и больше его не будет... Можно, конечно, понимать это эмфатически, в смысле: отпетый, неизлечимый.

Точно так же, ленинские заявления типа: «Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая.» [12, 138] — намекают на заведомую буржуазность социализма, — поскольку бесклассовое общество никаких партий знать не знает, и революция должна похоронить всю эту мышиную возню вместе с прочими отрывками общественного неравенства. Опять же, спасает реноме вольная интерпретация: *в условиях капитализма* идея партийности безусловно прогрессивна — поскольку даже простое осознание собственного уродства есть также и призыв к его сознательному преодолению.

* * *

Природа есть материя в отношении рефлексии. Дух — рефлексия в отношении к материи. Эта всеобщая отнесенность — культура как субстанция мира.

* * *

Читая Монтеня:

Разнообразие законов разных стран, противоречие одних местных установлений другим, не означает отсутствия единого закона для всех. Очень может быть, что этот закон лишь по-разному проявляется в разных условиях — а суть одна. Со своей стороны, множество суетей также подчинено единству иного уровня — здесь своя иерархия.

* * *

Количество не переходит в качество само — его еще надо постараться туда перевести!

* * *

Философии нельзя научиться. Иначе это была бы не философия, а наука. То же про искусство: мы не учимся — а перенимаем опыт, творчески его перерабатывая. В философии — мы уже не просто перенимаем, а осваиваем, сводим разный опыт воедино.

* * *

Человек подчиняет природу природным законам. Но для людей — нет закона, а есть лишь общие принципы. В этом свобода духа.

* * *

Человека не удовлетворяет мир — но он не сразу понимает, чем именно. Художник просто пробует. Ученый предлагает ответы. Философия — постановка вопроса. Остается лишь связать все это на практике...

* * *

Противоположность — степень различия. Сопоставимость, общее качество. Значит, есть основание для единства.

Таков метод Аристотеля.

* * *

Something matters...

Например, уже у Прокла можно найти практически все положения иерархического подхода, включая тройственность всякого единства,

три уровня рефлексии (существование, жизнь, разум), иерархичность конечного и бесконечного, иерархичность причинности и т. д. Однако в целом — это идеализм, то есть, поповщина.

Идеалисты всех времен пытаются протащить бога в виде некоего выделенного обращения иерархии. От этого не смог уйти Гегель. Сюда же — российское богостроительство начала XX века. Абсолют, неизменная мера всего.

Унизм отбрасывает эту замороженную простоту и говорит, что все обращения равноправны. Боги испаряются — остается бесконечно разнообразный мир, как множество возможностей, «параллельных» миров, которые на деле оказываются лишь разными проявлениями одного и того же.

В рефлексии человека должны быть представлены все эти «миры». Но не как попало. Ибо всякая деятельность предполагает определенные материальные предпосылки, игнорировать которые мы не вправе.

* * *

Греки, естественно, говорили по-гречески — и у тамошних философов идея времени расщепляется на *хронос* (*χρόνος*) и *керос* (*καιρός*). Первое — жизненный цикл, полный оборот, единство бытия; исходно: год — и жизнь целиком, отведенное время. Керос — пора, отрезок времени; исходно: время года; в переносном значении — «правильное место», «уместность», «подходящий момент». Но есть еще и *мера* (*μέρα*) — один день, единица жизни, — и потом единица чего угодно.

А в советской психологии — деятельность выстраивает нужную последовательность действий, которые видятся переходом от одной операции к другой...

* * *

Локк, Беркли, Юм... Сползание к субъективному идеализму. Основная предпосылка: мы не знаем ничего кроме собственных ощущений.

Полная чушь! Человек воспринимает только внешнее. Чтобы воспринять себя, ему надо вывести себя во вне, посмотреть на себя со стороны. И для этого есть специальные приемы.

Из нелепой посылки — идиотские выводы.

* * *

Образец казуистики: Л. Троцкий, *Коммунистический интернационал после Ленина*:

Верно ли это? Если это верно понимать, то это верно.

Разумно то, что верно независимо от понимания.

* * *

Фантастической красоты пейзажи, изысканные формы живого и неживого, — это всего лишь хаос. Фракталы — апофеоз случайности. В природе нет ни прекрасного, ни правильного; но все способно стать прекрасным или правильным для нас.

* * *

Динозавры неповоротливы — и мелкие зверушки увертываются от крупных хищников.

Так оно и повелось: человек достаточно мелкий, чтобы уходить от вселенских катаклизмов...

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.narod.ru>